177

Владимиру Петровичу
Иванову
отъ автора.

П. Сахаровъ.

БѢЛОЕ РАБСТВО НА ДОНУ.

Къ пятидесятой годовщинѣ освобожденія донскихъ крестьянъ.

356/5

НОВОЧЕРКАССКЪ.
„Частная Донская Типографія".
1911.

Отдѣльный оттискъ изъ III выпуска „Донской Церковной Старины“.

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.
14.090
14.VII.24.

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
125959Б
Инвентарный номер
Историческая библиотека РСФСР

Бѣлое рабство на Дону.

Къ пятидесятой годовщинѣ освобожденія донскихъ крестьянъ.

Почти 4 полныхъ столѣтія прошло съ тѣхъ давнихъ ръ, какъ первыя артели-станицы русскихъ военнопромышленниковъ дошли къ 1540-мъ годамъ по Дону и Донцу до раздорнаго устья послѣдняго, утвердили здѣсь свой главный штабъ, свое „главное войско“, а къ сѣверу отъ этой столицы, въ стороны Ряжска и Путивля, расположились самобытно-вольными общинами по донскимъ и донецкимъ городкамъ. Первоначальное заселеніе Подонья вольными казаками вызвано было прежде всего одновременными зачатками закрѣпощенія земледѣльцевъ-крестьянъ, какъ на пространствѣ Московскаго государства, такъ и въ предѣлахъ тѣхъ русскихъ земель, что были захвачены Польшей и Литвой въ пору татарскаго ига надъ Русью. Международныя же отношенія Руси и Литвы къ ордамъ ногайцевъ и крымцевъ сдѣлали неизбѣжнымъ образованіе на Дону и на Днѣпрѣ именно полузависимыхъ отъ метрополій колоній вольныхъ казаковъ—великороссовъ и малороссовъ.

Уже въ началѣ XVI столѣтія хозяйственными связями съ частнымъ землевладѣльцемъ и полицейскими мѣрами государства отвѣтственные дворовладѣльцы-крестьяне фактически лишались права свободнаго перехода на иныя земли, были на дѣлѣ прикрѣплены къ тѣмъ, на коихъ сидѣли. Столь явная опасность земледѣлія для личной

свободы все чаще толкала независимыхъ пока родственниковъ „старинныхъ тяглецовъ“ отъ хлѣбопашества въ своемъ особомъ хозяйствѣ въ наемную работу и въ оброчную промышленность, въ родѣ бортничества, охоты и рыбной ловли. При густотѣ населенія внутри страны промышленники естественно сдвигались въ рѣже населенные пограничные со степью южные уѣзды, а отсюда остался одинъ шагъ до выхода за крайніе рубежи тѣхъ территорій, которыя были изоброчены государствомъ, какъ уже въ той или другой степени имъ освоенныя.

Дальше другихъ выдвигались въ дикую степь храбрѣйшіе промышленники. Случайности суроваго климата, опасность отъ лютыхъ звѣрей и хищныхъ татаръ заставляли украинскихъ казаковъ соединяться въ артели и принимать полувоенное устройство съ атаманомъ во главѣ полувооруженной дружины. Эти товарищества уже въ 1510-хъ годахъ устраивали скрытыя отъ враговъ зарубежныя зимовища, а по мѣрѣ удаленія отъ крайнихъ осѣдлыхъ поселеній и все возраставшей въ ту эпоху опасности отъ татарскихъ шаекъ русскіе промышленники—мещерскіе казаки, рязанскіе, казаки-севрюки, черкасцы и „кіяне“,—старательнѣе вооружаясь, соединялись во все болѣе и болѣе многочисленныя по своему составу артели-станицы. Росло и число такихъ товариществъ съ приливомъ на границы все новыхъ и новыхъ „нетяглыхъ казаковъ“ и „гулящихъ людей“ извнутри Руси къ Днѣпру и Деснѣ съ Сеймомъ на юго-западѣ, къ Окѣ и Пронѣ на сѣверо-востокѣ: это было время боярскаго самоуправства въ малолѣтство царя Ивана Грознаго.

Отлично знакомыхъ со степью и часто встрѣчавшихся тамъ съ татарами украинскихъ казаковъ-промышленниковъ правительство наймомъ привлекало къ выслѣживанію хищниковъ и къ оборонѣ отъ нихъ государственныхъ рубежей: въ Мещерѣ, напримѣръ, казаки были по преимуществу служилыми. Но часто приходилось сталкиваться

удальцамъ съ татарами и при простой самооборонѣ въ далекомъ промыслѣ; переходили они при возможности и въ самовольныя наступленія на шайки и улусы татаръ по мѣрѣ силъ отмщая ихъ грабежи и полонъ на украинѣ и въ „ухожьяхъ“ промышленниковъ въ степи. Между тѣмъ въ 1530 хъ и 1540-хъ годахъ враждовавшія взаимно Литва и Русь всѣми силами старались держать ногайцевъ въ мирѣ съ собою, натравливая податливый на подкупъ Крымъ на противника. При такомъ международномъ соотношеніи оба государства принимали самыя строгія мѣры противъ украинцевъ въ случаяхъ погрома ими татаръ. Но для казаковъ промышленниковъ нападенія на татаръ были необходимою составною частію самообороны: разгромовъ татаръ они не прекратили, а во избѣжаніе казни начали временно оставаться въ степи. Это наблюдается на Днѣпрѣ около 1540-го года, а на Оку мещерскій казакъ не возвращается иногда уже въ 1530-хъ годахъ.

Такіе отщепенцы, осѣдавшіе въ степи хотя бы на нѣкоторое время, были удобнымъ ядромъ для группировавшихся возлѣ нихъ пришлыхъ промышленниковъ; ихъ „ухожьи“ все углублялись на югъ, а опорные пункты годъ отъ году становились постояннѣе и прочнѣе, пока вслѣдъ за жалобой на разгромъ своего посольско-торгового каравана ногайцы не сообщили въ 1549 году, что на Дону замѣчены ими въ разное время 3 или 4 городка. Для правительства это было очень удобнымъ выходомъ изъ создаваемыхъ казацкими шалостями затрудненій: теперь всѣ нападенія украинцевъ на татаръ можно было съ полнымъ основаніемъ ставить въ счетъ зарубежной, неподвѣдомственной-де государству, вольницѣ. Ея скопленіе на Дону не было однако новостью для Москвы: чрезъ колыхавшійся между украинными городами и вольными донскими городками составъ промышленниковъ, остававшихся легальными, правительство было достаточно освѣдомлено о положеніи дѣлъ и настроеніи на югѣ; и еще до сообще-

нія ногайцевъ о 3 — 4 городкахъ, сносившійся съ неотрекавшимися никогда отъ своего „прироженаго государя“ казаками царь Иванъ IV зимою 1548 года направилъ донцовъ вмѣстѣ съ путивльцами на Крымъ. Сношенія Дона съ Москвой не прерывались и послѣ, а турецкій султанъ справедливо, отчасти, жаловался ногайцамъ въ 1551 году, что казаки царя Ивана отняли у него „поле все да и рѣки да и Донъ“, запустошивъ блокадой торговый Азовъ и принудивъ его къ уплатѣ оброка. Непрерывный потокъ крестьянскихъ дѣтей, племянниковъ, подсусѣдковъ и захребетниковъ лился за Оку и Днѣпръ въ степь; въ поискахъ лучшей доли доносилъ онъ свои всплески до Астрахани; а поближе прочно укрѣпилъ городки малороссовъ на Донцѣ и великороссовъ на Дону.

Простодушная казачья среда не возставала сознательно противъ государства, и въ постоянномъ общеніи съ украйной, во взаимномъ текучемъ обмѣнѣ людьми съ митрополіей, степныя колоніи по первому зову государя высылали сильные отряды и тогда, „когда царь Иванъ стоялъ подъ Казанью“, и во всѣ другія войны Грознаго и его сына. Многіе добровольцы ложились въ бояхъ за Русь другіе оставались на царской службѣ за помѣстья или, жалованье, забывая Донъ, но третьи возвращались въ степные городки, приводя съ собой новыхъ выходцевъ изъ Руси и смущая тамъ многіе умы разсказами о донскомъ привольѣ. Сюда шли уже и лодки купцовъ въ надеждѣ выгодно поторговать; брелъ и захудалый попикъ отправить требы у далекихъ поселенцевъ, получивъ за то отъ удальцовъ щедрые дары; сплывалъ на Донъ и опустившійся отъ бѣдности украинный дворянинъ; заносила сюда судьба и родовитаго, но бѣднаго князя—Рюриковича или Гедиминовича, хотя преобладали на Дону, разумѣется, люди изъ мелкой посадской и черной крестьянской среды. Они, при постоянномъ количественномъ ростѣ, твердо обосновались на рѣкѣ, а упрочивъ осѣдлый бытъ, положили

основы семейному. Къ концу XVI столѣтія на Дону замѣтны зачатки семейной жизни; число же казачьихъ городковъ, исключая донецкіе, превышало три десяка по Дону, дополнялось 4 на Хопрѣ и 3 на Медвѣдицѣ, при неизвѣстномъ количествѣ временныхъ утлыхъ становищъ и зимовищъ.

Населенные бѣглецами отъ грозившей имъ неволи и поддержанные всякой русской удалью, эти очаги русской культуры въ дикой татарской степи, при новыхъ замѣшательствахъ въ государственномъ и общественно-хозяйственномъ строѣ Россіи со временъ опричнины и до начала смуты XVII вѣка переполняются чуть-ли не двумя десятками тысячъ русскихъ переселенцевъ самаго разнаго чина, званія и состоянія. Уже теперь обрисовывается та стройная войсковая организація, которую въ законченномъ видѣ мы наблюдаемъ съ 1620-хъ годовъ; теперь же начинается разслоеніе казачества на обзаведенныхъ сторожиловъ (которые, безсходно живя на Дону подъ Азовомъ, къ 1590-мъ годамъ здѣсь и состарѣлись) и на новопришлую голыдьбу, на людей вліятельныхъ и рядовыхъ станичниковъ; уже къ 1580-мъ годамъ временами проявляется безсердечная жестокость нѣкоторыхъ крѣпостническихъ элементовъ не къ однимъ плѣннымъ врагамъ—мусульманамъ, но и къ отбитымъ у нихъ людямъ изъ своей же братьи-христіанъ. Посольскія донесенія 1593 г. отмѣчаютъ и наличность въ войскѣ богатѣевъ, кредитовавшихъ другихъ, и вліятельныхъ въ разной степени атамановъ, съ тѣми во главѣ, что по всему Дону вольнѣе, т. е. властнѣе, вліятельнѣе, и жесточайшее обращеніе съ плѣнниками-мусульманами.

Порабощались, однако, тогда на Дону и христіане съ продажей при томъ отбитаго плѣнника обратно въ руки враговъ креста Христова. Въ 1596 г., напр., нѣкій „грузинскій выходецъ" подалъ царю Ѳеодору Іоанновичу челобитье, а въ немъ между прочимъ повѣствовалъ, что „былъ

въ Крыме въ полону 7 лѣтъ въ улусе у Сулешъ мурзы у крымсково татарина у Доуда, и в Крыме взяли меня (въ 1579 г.) въ полонъ твои государевы казаки—отоманъ Иванъ Кишкинъ; и тотъ Иванъ Кишкинъ с товарыщи продали меня въ Азовъ", гдѣ грузинъ и промучился еще 12 лѣтъ. Особыхъ поясненій эта выдержка не требуетъ.

О крѣпостническихъ же замашкахъ Кишкина и ему подобныхъ авантюристовъ говоритъ вся его извѣстная по документамъ біографія. Сначала рязанскій помѣщикъ-дворянинъ, онъ, покинувъ въ помѣстьѣ семью, отправляется на Донъ „казаковать". Здѣсь Кишкинъ неизмѣнно держитъ руку правительства; къ 1584 году достигаетъ высшей степени вліянія на Дону и, какъ атаманъ низового войска, вызываетъ на себя жалобы Турціи въ Москву; а въ 1585 г. настолько обостряетъ отношенія своей партіи къ казачьей голыдьбѣ, что, при проводахъ въ Русь посла Бориса Благово, вмѣстѣ съ единомышленными себѣ атаманами и казаками, наравнѣ съ другими войсками конвоя, ловитъ и вѣшаетъ „воровскую" часть казачества, получивъ заранѣе царское обѣщаніе: „и мы за то ихъ пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ да и помѣстья велимъ имъ подавати".

Въ г. Ряжскѣ заслуженныхъ воиновъ ждалъ уже указъ, которымъ они обращались въ мелкихъ украинныхъ помѣщиковъ съ сохраненіемъ казачьяго званія. Получилъ новое помѣстье возлѣ города Михайлова, отдѣльно отъ семьи, и самъ Иванъ Кишкинъ; въ началѣ 1586 г. онъ уже усердно заселялъ участокъ, переманивая за себя тяглыхъ старожильцевъ изъ-за другихъ помѣщиковъ,—напр. князя Ростовскаго: царской грамотой 1586 г. повелѣвалось вывести одного такого бѣглаго крестьянина изъ-за „донского атамана Ивана Кишкина" обратно за князя.

Этотъ примѣръ инстинктовъ и настроеній извѣстнаго круга разслоившагося казачества не гармонируетъ, конечно, съ пресловутымъ образомъ казака-друга свободы и ра-

венства, борца за вѣру и народность. Между тѣмъ представители русскаго помѣстнаго дворянства должны были частенько встрѣчаться на Дону въ послѣдней четверти XVI столѣтія. При повѣркѣ, напр., „ряшанъ дѣтей боярскихъ“ въ 1591 году, противъ 600 именъ стараго списка наличныхъ оказалось 488 помѣщиковъ; изъ остальныхъ 112 среди отмѣтокъ о естественной и боевой кончинѣ, о плѣнѣ и пропажѣ безъ вѣсти противъ 10 именъ помѣчено: „сшелъ въ вольные казаки“, „сшелъ на Донъ“ и т. д. Такимъ, повидимому, сходцемъ изъ помѣщиковъ былъ и знаменитый въ донской исторіи войсковой атаманъ Смага Стефановъ Чертенскій: эту фамилію носили весьма многіе его современники въ средѣ рязанскаго дворянства.

Смага встрѣчается въ „лутчихъ“ атаманахъ уже въ 1592 г. Съ плотно осѣвшими на Дону казаками онъ переживаетъ здѣсь эпоху смуты въ метрополіи, лишь временно выйдя къ Тулѣ посмотрѣть на таинственнаго доселѣ царя Дмитрія Ивановича. Его усиліями удержалась на Дону войсковая организація, а поселенія защищались при всей скудости въ людяхъ столь удачно, что въ 1613 г. татары очень просили Москву убрать съ Дону страшившаго ихъ „атамана Смагу“.

Но вотъ отхлынули изъ Руси на Донъ не видѣвшіе его доселѣ дѣятели смуты; стали приходить „с Руси воровские казачишка—ломы и боярски люди“ да „холопи“, спасавшіеся отъ возвращенія ихъ въ барскую неволю: замутился Донъ, а Смагу въ 1617 г. „выбили изъ круга“. Только къ 1623 году возстановился твердый порядокъ—съ гибелью наплыва на морѣ или съ превращеніемъ въ опытныхъ воиновъ и состоятельныхъ колонистовъ: въ 1623 г. царская грамота адресуется Смагѣ, какъ единому войсковому атаману при частыхъ прежнихъ соправительствахъ.

Насколько предшествующее десятилѣтіе было трудно для старожилыхъ и домовитыхъ казаковъ Дона, видно изъ постоянныхъ запросовъ правительства, не замышляютъ ли

запорожскіе пришельцы съ донскими низами какого-либо злодѣйства на Дону? не ссылаются-ли (1617 г.) запорожцы грамотами съ Дономъ, а „будетъ ссылаютца,—и явно-ль, съ начальными атаманы и с лутчими казаки..., или тайно съ рядовыми людьми и з бѣглыми холопи, отъ которыхъ бы въ донскомъ войске учинить смута?... і есть-ли за то худымъ людемъ наказанье“? Еще и въ 1623 году послу наказывали развѣдать, сколько весной съѣдется всѣхъ „атамановъ, и казаковъ, и сколько в нихъ добрыхъ и среднихъ и худыхъ“?

Къ тому времени однако суровыми карами за такія выходки вольницы, какъ шалости на Волгѣ, въ войскѣ былъ водворенъ такой порядокъ, что между другими переселенцами изъ угнетаемой поляками Малороссіи въ 1622 году „пришло на Донъ запорожскихъ черкасъ 60 ч. з женами и з дѣтьми, а с ними всякой рухледи 8 телѣгъ“.

Семейные и домовитые люди свободно могли рискнуть переселеніемъ на Донъ, гдѣ мирная культура невозбранно развивалась подъ громъ войны и частныхъ смутъ.

Въ 1632 г., напр., донцы, какъ „государевы холопи“ отказались отъ предложенной присяги „прирожоному царю“, сославшись на свое недостоинство „къ такой Страсти Христовой приступити—креста целовати“, такъ какъ де у нихъ „на Дону многихъ земель люди, и которые русскіе люди, и тѣ живутъ з бусурманками, а иные прижиты отъ бусурманокъ“ ([1]). Тогда же было сдѣлано казаками указаніе на занятіе кое-кого изъ нихъ земледѣліемъ. Къ 1640 году семейственность настолько уже развилась у нихъ, что, вызывая верховцевъ въ Азовъ, войско наказало сводить семейныхъ остальцовъ не изъ 5—6, а изъ 2—3 городковъ въ одинъ. Но славное дѣло съ Азовомъ на два десятилѣтія задержало развитіе донского общежитія свои-

([1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Разрядный приказъ. Бѣлгородскій столъ. Столбецъ 39-й.

ми тяжкими послѣдствіями, замедливъ, конечно, и развитіе такихъ тѣневыхъ сторонъ его, какъ порабощеніе человѣка человѣкомъ.

Къ чувствительнымъ потерямъ за время „азовскаго сидѣнья“ въ 1641 году присоединился отливъ въ Русь легковѣсной голыдьбы въ 1642 г.; а за гибелью большой части остальныхъ бездомковъ въ неудачныхъ морскихъ походахъ 1642—1643 годовъ, весною 1643 года возстановлявшіе Азовъ турко-татары силами янычаръ вслѣдъ за манычскимъ городкомъ разгромили до конца „главное войско“ на Монастырскомъ островѣ. Здѣсь палъ цвѣтъ старожилаго казачества, а остальные съ черкасцами и другими спаслись въ Раздоры „душею да тѣломъ“, потерявъ плѣнными въ одномъ монастырскомъ свыше 2000 казачьихъ женъ и дѣтей, такъ недавно отличившихся въ Азовѣ. Съ помощью верховцевъ низовцы возстановляютъ въ 1644 г. главное войско въ городкѣ Черкасскомъ, но тѣмъ временемъ татары уничтожаютъ городки Кагальникъ и Голубые, стѣснивъ другіе осадой и набѣгами, а подонки Запорожья въ союзѣ съ крымцами сметаютъ 7 городковъ на Хопрѣ и, парализовавъ верховые донскіе, разбиваютъ на Казанскомъ перевозѣ крупные караваны русско-донскихъ торговцевъ. Донъ такъ ослабѣлъ и обнищалъ тогда, что правительство русское очутилось въ необходимости долгое время поддерживать низовцевъ кромѣ всего прочаго стоянкой возлѣ Черкасска сильныхъ отрядовъ московскихъ служилыхъ людей.

Лишь къ 1660 годамъ оправляется старожилое Подонье. Тогда же тяжкое положеніе народныхъ низовъ Великороссіи приводитъ къ новому наплыву отсюда на Донъ. При благопріятной для донцовъ враждѣ Руси съ Крымомъ и Турціей великорусскій народъ, безпрепятственно выходя въ море, или гибнетъ тамъ, или возвращается съ военнымъ опытомъ и полнымъ кошелькомъ, съ поня-

тіямя зажиточнаго гражданина и помыслами энергично-дѣловитаго колониста-хозяина.

Разроставшійся тогда слой домовитыхъ составилъ гибельную для Разина силу. Новая столица Дона превзошла Монастырскій не одной величиной города да числомъ сударей-братцевъ, но и зажиточностью многочисленныхъ осѣдлыхъ гражданъ.

Здѣсь-то одинъ за другимъ выдвигаются старшины-родоначальники донскихъ помѣщичьихъ родовъ, поработившихъ въ XVIII столѣтіи послѣ мелкихъ прежнихъ опытовъ цѣлую треть населенія Донского края. Сначала война съ добычей и славой, а въ 1671 г. немаловажный дѣлежъ захваченныхъ старшиною въ Кагальникѣ милліонныхъ на наши деньги богатствъ Разина, положили прочныя основы богатству и вліянію цѣлаго ряда старшинскихъ и знатныхъ казачьихъ фамилій. Торговля до работорговли и выгодныхъ дѣлъ по выкупу русскихъ плѣнниковъ у мусульманъ, разные промыслы наемнымъ трудомъ до ссудъ изъ доли идущимъ на море въ набѣгъ и займовъ изподтишка прямымъ разбойникамъ, наконецъ крупные подарки вещами и деньгами при всякомъ посѣщеніи Москвы,— все это окончательно отдѣлило донскую богатую знать отъ народныхъ низовъ. Экономическая зависимость многихъ бѣдняковъ раскалывала ихъ ряды и усиливала вліяніе старшинъ. Получаютъ право гражданства „малые круги старшиною“, подготовлявшіе рѣшенія всенародныхъ войсковыхъ круговъ; вліяніе на посылку въ Москву въ станицахъ тѣхъ или иныхъ лицъ сплачиваетъ возлѣ старшинъ честолюбцевъ; усиливавшіяся въ концѣ XVIII вѣка требованія правительства о выдачѣ бѣглыхъ великороссовъ съ домогательствомъ точной регистраціи старыхъ городковъ и ихъ населенія, съ запретомъ постройки новыхъ и пріема пришельцевъ въ старыя поселенія, на почвѣ утайки дѣйствительнаго положенія дѣлъ и разныхъ послабленій, открываютъ широкое поле старшинскому взяточниче-

ству и захватамъ лакомыхъ кусковъ въ юртахъ разныхъ станицъ. У старшинъ появляются мельницы и хутора; они обладаютъ табунами и стадами, которыя чрезъ пастуховъ калмыковъ предусмотрительно отправляютъ на время Булавинщины за Волгу. Взаимно роднясь, донская знать уже до бунта простонародья въ своихъ злоупотребленіяхъ дѣйствуетъ сплоченнымъ кружкомъ. Топоръ Булавина разрѣдилъ его, но онъ тогда же снесъ и голову демократіи, сгубивъ въ бояхъ или удаливъ съ Дону свободолюбивѣйшіе элементы, въ ихъ огромномъ большинствѣ истребленные Долгорукимъ, междоусобной борьбой и выселеніемъ за Кубань. На смѣну демократіи войскового круга XVII вѣка пришла олигархія войсковой канцеляріи XVIII столѣтія съ широкимъ произволомъ и взяточничествомъ захватившихъ власть старшинъ во всѣхъ отрасляхъ управленія отъ записи малолѣтковъ въ росписи служилыхъ казаковъ и командированія послѣднихъ на службу до сферы суда, а особенно сыска и высылки бѣглыхъ на Донъ великороссовъ. Эта обязанность старшинъ, никогда серьезно не исполнявшаяся, была ихъ золотой синекурой, т. к. ставила въ обыденную зависимость отъ нихъ все почти донское населеніе, какъ осѣдлое, такъ и пришлое, бродячее.

Съ развитіемъ на Дону мирныхъ промысловъ казаки еще въ 1670—1680-хъ годахъ сманивали великороссовъ уже не для исконной воинской службы, а для черной работы въ хозяйствѣ. Участившаяся пріемка сродниковъ и земляковъ въ работу, въ семьи и въ сограждане по городку довела при добросовѣстномъ сыскѣ до Булавинщины; а по усмиреніи ея неумолкаемо раздаются строжайшіе наказы правительства о пресѣченіи наплыва людей изъ Великороссіи, о тщательномъ сыскѣ и поголовной высылкѣ съ Дону всѣхъ новопришлыхъ великороссовъ на ихъ родину. Но это былъ истый гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

На протяженіи почти всего XVIII столѣтія правительство широко пользуется почти всѣмъ иногда служилымъ

составомъ казачества для далекихъ и долгихъ командировокъ на всѣ границы Россіи. Донскіе полки несутъ тамъ крупныя потери людьми: за 1722—1733 гг. у одного Каспія легло до 5000 ч. при 15000 ч. всѣхъ служилыхъ донцовъ той эпохи, выставлявшихъ полки еще и въ другія мѣста, не считая заселенія Астрахани и „Царицынской“ линіи.

Въ такихъ условіяхъ Донъ чрезвычайно нуждался въ притокѣ новыхъ людей и для исполненія хозяйственныхъ работъ за отсутствовавшихъ мужчинъ-хозяевъ, для замѣщенія непоправимыхъ естественнымъ приростомъ боевыхъ потерь въ рядахъ донскихъ полковъ и для замѣны, наконецъ, погибшихъ на кровавой нивѣ мужей и отцовъ въ осиротѣлыхъ казачьихъ семьяхъ, равно какъ и жениховъ для засидѣвшихся дѣвицъ. Правда, XVIII вѣкъ—время заселенія Дона малороссами, но столь же замѣтенъ до половины столѣтія и постоянный притокъ великороссовъ, скрывавшихся впослѣдствіи подъ именемъ малороссіянъ. Весь сѣверо-востокъ Дона, т. е., большинство станицъ, поддерживался въ своихъ силахъ великорусской переселенческой волной.

Съ удивительною смѣлостью и изобрѣтательностью проводили казаки толпы пришельцевъ въ свои ряды и семьи; настойчиво и старательно укрывали они другихъ—свои необходимыя рабочія руки. Все дѣлалось подъ страхомъ суровѣйшаго возмездія до смертной казни и сожженія поселеній, но шло почти невозбранно за спиной и подъ покровительствомъ старшинъ, заслонившихъ своей войсковой канцеляріей Донъ отъ правительства и обратно.

Я сказалъ обратно потому, что, рискуя собой, старшины подъ вѣчной грозой опалы сверху за укрывательство и нерадивый сыскъ, не знали за то удержу для своего произвола въ дѣлѣ матеріальной и нравственной эксплуатаціи рядового казачества и несчастныхъ русскихъ рабовъ, бѣжавшихъ къ казакамъ, якобы на свободу. Не

было тѣхъ издѣвательствъ и грабежей, которыхъ не позволили бы себѣ „старшины для сыска и высылки бѣглыхъ“; а прежде всего и повсемѣстно—взятки деньгами отъ копѣекъ до сотенъ рублей, взятки натурой до гнѣзда орлиныхъ птенцовъ, взятки съ бѣглыхъ и ихъ держателей, съ отдѣльныхъ гражданъ и цѣлыхъ станицъ, взятки безъ конца. Съ 1740 гг. на почвѣ сыска и высылки донская администрація растетъ вширь и вглубь: весь Донъ дробится на рядъ округовъ; въ каждомъ помѣщается очередной старшина; онъ производитъ попутно судъ по мелкимъ дѣламъ и слѣдствія по серьезнымъ; главная же задача его заключается въ очисткѣ округа отъ бѣглецовъ изъ Великороссіи. Въ дѣйствительности сыскное начальство это, обременяя населеніе натуральной поставкой „корма“ на весь свой разроставшійся составъ, свое рвеніе предъ правительствомъ доказывало вполнѣ достаточной цифрой высланнаго наброда изъ опасныхъ для Дона грабителей, мошенниковъ и бездѣльниковъ-бродягъ; трудовой пришлый народъ трогали лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ: за взятки съ рабочихъ и держателей или родныхъ не выдавались подъ разными увертками даже тѣ лица, которыхъ помѣщики требовали по 10—15 лѣтъ, оффиціально указывая ихъ мѣстопребываніе и степень родства съ туземцами. Такъ наживался старшина, если не шелъ въ походъ или не занималъ выгодной и вліятельной должности въ центральной войсковой администраціи. Эта дѣятельность въ станицахъ помогла лишь старшинамъ обзавестись хуторами и зависимыми людьми.

Параллельно съ ростомъ власти и вліянія, богатства старшинскихъ родовъ достигли колоссальныхъ размѣровъ и все умножались всякими способами и средствами до расхищенія денежной войсковой казны. Вдова войскового атамана 1720-хъ годовъ А. И. Лопатина оставила своей дочери 47000 руб. сер. да 400 червонцевъ при сложной утвари изъ драгоцѣнныхъ металловъ, дорогихъ матеріяхъ

и разныхъ затѣмъ недвижимыхъ имуществахъ. Наслѣдница та вышла за А. И. Краснощекова, унаслѣдовавшаго отъ отца, кромѣ всего другого, значительныя богатства въ лошадяхъ и стадахъ скота. Сильнѣйшій родъ Ефремовыхъ за 35 лѣтъ управленія войскомъ довелъ свои богатства до милліоновъ рублей въ однѣхъ деньгахъ, что на наши деньги составляетъ сумму еще въ нѣсколько разъ большую.

Эти-то колоссальныя богатства и неограниченное почти вліяніе внутри Донского края плотная, перекрестно переродившаяся компанія черкасскихъ старшинъ, при безконтрольномъ почти управленіи страной, и употребила съ 1740 годовъ на грандіозное заселеніе зависимыми отъ себя людьми на выборъ расхищаемыхъ лучшихъ земель угнетенной казачьей общины, какъ въ предшествующіе еще годы наполнила донская знать холопами свои дома и дворы.

Ростъ роскоши въ старшинскомъ быту замѣчается уже въ 1670-хъ годахъ. Послѣ нерѣдкихъ пожаровъ въ Черкасскомъ городѣ строятся просторныя „хоромы“ по московскимъ образцамъ, вводится пышное убранство и драгоцѣнная утварь. При трудѣ зависимой казачьей бѣдноты, во дворѣ работаютъ въ ожиданіи выкупа или промѣна мусульмане-плѣнники; здѣсь же выкупленные якобы „для души“ христіане русаки до выполненія ихъ родными условій, въ предотвращеніе побѣга и убытка старшинѣ, заковываются въ цѣпи. Къ началу XVII столѣтія и далѣе донская знать и богатѣи въ дополненіе къ турко-татарскимъ ясырямъ обзаводятся въ домашнемъ быту самымъ интернаціональнымъ рабскимъ персоналомъ. Его добываютъ саблей и рублемъ на всѣхъ театрахъ войнъ Петра Великаго, вымѣниваютъ, или хитростью порабощаютъ на самомъ Дону, покупаютъ или беруть въ закладъ у воронежскихъ, тамбовскихъ и рязанскихъ помѣщиковъ, сдававшихъ въ глухую станицу иногда завѣдомо чужихъ бѣг-

лыхъ людей, а не своихъ крѣпостныхъ, но обезпечивавшихъ покупщика своими увѣреніями и „письмами“.

Въ 1704 г., напр., приходилъ на побывку на Донъ атаманъ Ефремъ Петровъ съ 60 казаками, и вотъ оказалось „у того ж атамана і у казаковъ за продажею въ остатке нынѣ свѣйского полону чухны мужеска полу і женска 12 ч. В томъ числѣ у атамана двѣ дѣвки да 2 мальчика“. Казаки просили, „чтоб тот остаточный полонъ повѣлено было имъ с Москвы отвести в домы свои для домашней ихъ потребы, а того полону в Крымъ і в турки, і ни куда они не продадутъ, а будутъ держать в домехъ своихъ“. Порукой просители ставили шедшаго съ другой партіей донцовъ атамана Максима Фролова (Кумшацкаго) да его полковника Леонтья Позднѣева. У послѣдняго въ свою очередь имѣлась плѣнная чухонка или шведка, а Кумшацкій обладалъ чухонкой да вымѣненной на другую въ Москвѣ турчанкой Ата; есаулы и казаки вели на Донъ еще до 30 плѣнниковъ обоего пола. Весь полонъ былъ свободно пропущенъ съ его хозяевами (2).

А вотъ еще примѣръ. Въ іюлѣ 1708 г. изъ Польши отпущены были чрезъ Москву на Донъ 250 казаковъ съ 310 „хлопцевъ“ при нихъ. Задержанные возлѣ Москвы по случаю Булавинщины донцы къ началу 1709 г. предъявили уже только 197 „хлопцевъ“, „а тѣ де хлопцы посланы из армеи отъ ихъ казацкихъ атамановъ, и отъ полковниковъ и отъ старшинъ, которые отстали в армѣи... А которые де тѣхъ присланныхъ казаковъ собственные купленые и полонные хлопцы, и тѣхъ хлопцовъ... они казаки, будучи при Москвѣ, за своими нуждами продали, а иные померли и разбѣжались“. Въ результатѣ велѣно было улучшить довольствіе всѣхъ задержанныхъ, а вскорѣ ихъ от-

---

(2) Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Донскія Дѣла. Донская книга № 20.

пустили всѣхъ на Донъ ([3]), обогатившійся къ шведамъ и финнамъ рабами изъ поляковъ и бѣлоруссовъ.

Дома на Хопрѣ старшина Аксенъ Лащилинъ, напр. порабощалъ разныхъ людей: въ 1782 г. зависѣвшій отъ его внука нѣкій выкрещенный калмыкъ усиленно домогался свободы для себя и казачьей службы для сына; но потомокъ Аксена представилъ на истца „письмо на калмыцкомъ деалекте“, которымъ доказывалъ, что выкрещенный дѣдомъ его калмыкъ купленъ или полученъ въ подарокъ въ 1720-хъ еще годахъ отъ кочевавшаго вблизи калмыцкаго владѣльца Саломъ-Доржи ([4]). Въ 1750 г. тотъ Аксенъ-Лащилинъ закрѣпостилъ отданнаго ему войсковымъ атаманомъ Данилой Ефремовичемъ „присланнаго із Астрахани індейской націи арапа“, то же выкрещеннаго имъ ([5]). Рабовладѣлецъ, видимо, отличался благочестіемъ и порабощая себѣ тѣло, освобождалъ душу отъ вѣчнаго рабства діаволу.

Переходя къ вопросу о рабахъ изъ великороссовъ, оговорюсь, что самыя раннія покупки въ сохранившихся документахъ, видимо, не отмѣчены. Среди владѣльческихъ же записей на крѣпостныхъ, дожившихъ до 1764 года, кромѣ личныхъ кабальныхъ записей, встрѣчаются „партикулярныя письма“ помѣщиковъ съ 1734 г., а купчія крѣпости „в вечное владеніе“ съ 1736 г.

Для донскихъ порядковъ характерно, что иногубернскіе помѣщики дѣлали иногда для себя особый промыселъ изъ сдачи и продажи на Донъ чужихъ крестьянъ, помимо платной помощи другимъ въ бѣгствѣ сюда.

Этими и другими путями богатая знать Черкасска и разныхъ станицъ, особенно Пятіизбянской и Михайловской, къ 1764 г. накопила уже немало крѣпостныхъ. Въ 1764 г. было:

([3]) Тамъ же. Донскія Дѣла. Картонъ № 77. 1708 г., № 7.

([4]) Донской Музей. Хоперскій архивъ. Связка 17. (Новочеркасскъ).

([5]) Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Дѣла воен-

„Итого (6)		муж. пола.	жен. пола.
у войскового атамана по крепостямъ . .		32	39
у старшинъ и вдовъ, старшинскихъ женъ	по крепостямъ	67	111
	по писмамъ	13	42
	без писемъ	—	4
	незаконнорожденныхъ	5	—
у казаковъ і вдовъ казачьихъ женъ	по крепостямъ	72	122
	по писмамъ	25	90
	бес писемъ	1	4
	незаконнорожденныхъ	5	2
всего во всехъ“		220	414

Среди старшинъ-крѣпостниковъ видимъ: Р. Емельянова, И. В. Поздѣева, А. Воронина, Е. Кутейникова, П. Орлова, М. Барабанщикова, многихъ Грековыхъ, М. Бобрикова, А. Волошенинова, Е. Карпова, А. Юдина, А. Луковкина, А. Протопопова, Л. Лукьянова въ одной Черкасской станицѣ; здѣсь же списокъ отмѣчаетъ казаковъ и ихъ вдовъ—Василія Манькова, Дм. Мартинова, 2 вдовъ Сариновыхъ, имена Е. С. Селивановой и „Авдотьи Орлихи“. Изъ другихъ станицъ города примѣчательны: Яновы, Туроверовы, Сулины, Г. Мартиновъ, Г. Сарычевъ, М. Федотовъ, К. Колпаковъ, „у старшины Василья Леонова без писменныхъ видовъ 3“, А. Иловайскій, С. Кирсановъ, В. Машлыкинъ, М. Чекуновъ, П. Ребриковъ, Н. Мѣшковъ, Я Ханжонковъ, „у казака Івана Платова по писму 1“. Въ Пятиизбянской—Денисовы, въ Трехъ-Островянской—П. Чернозубовъ, Кременской—Ив. Наслѣдышевъ, Гундровской—С. Скара-

---

ной Коллегіи казачьяго повытья. Опись 107. Связка 116. Черкасской 10/VII/1764 г.

(6) Слѣдуетъ принять во вниманіе, что вѣдомости подавались только лицами, не имѣвшими офицерскихъ чиновъ, право которыхъ на владѣніе крѣпостными правительство подвергло было въ 1764 г. сомнѣнію. Крѣпостные Краснощековыхъ и Себряковыхъ въ итогѣ отсутствуютъ.

ходовъ, Слащевской—Ив. Ежовъ. Въ Михайловской у старшины П. Лащилина 21+27 душъ, да у казаковъ 97 душъ обоего пола. Въ Островской—у ст. Максима Гуляева 18 д., а въ Скуришенской и Березовской у Каменновыхъ 14 д. Въ Филоновской у Лапина 7, Каблова 2, Любимова 3.

Но всѣ эти „обоего пола души“ составляли въ 1764 г. только дворню старшинъ и знатныхъ казаковъ вольной рѣки Дона. У тѣхъ же самыхъ, по большей части, людей въ особыхъ степныхъ хуторахъ и слободахъ сидѣли многія тысячи вольныхъ малороссіянъ, зазваныхъ „на слободу“ и по переписи 1763 г. ставшихъ „подданными“ „владѣльцевъ“, которыхъ на военномъ полѣ и въ походѣ все еще безнаказанно могъ сѣчь любой регулярный корнетъ-дворянинъ.

Первые молороссы пришли на Донъ военнопромышленными станицами въ одно время съ великороссами, т. е., въ 1540-хъ годахъ. Приходили и уходили они разной величины партіями и до конца XVI столѣтія и въ XVII вѣкѣ до половины его. Здѣсь возстаніе Хмѣльницкаго увлекло за Днѣпръ съ Дону всѣхъ малороссовъ, которые не успѣли обжиться здѣсь. Но только что освободившійся при Хмѣльницкомъ изъ польской неволи и на первыхъ порахъ полноправный малорусскій народъ въ послѣдней четверти XVII столѣтія довольно рѣзко уже разслоился на могущественную старшину, рядовыхъ казаковъ съ подсосѣдками и посполитыхъ землеробовъ. Съ закрытіемъ имъ доступа въ казаки, посполитые въ началѣ XVIII вѣка обязаны были работою на старшинъ, ставшихъ верховными „державцами“ земель поспольства. Съ годами притѣсненія „державцы“ растутъ, а уйти крестьянинъ можетъ лишь пожертвовавъ своимъ участкомъ; въ 1738—1742 гг. пытаются лишить посполитыхъ самого права перехода. Законъ 1742 г. о вольности малороссіянъ не прекратилъ притѣсненій при сосредоточеніи у старшины суда и административно-полицейскихъ полномочій. Законъ 1763 г. требовалъ

для законности перехода наличности отпуска отъ прежняго помѣщика, предписывая ему, правда, не задерживать отпуска по разсчетѣ съ крестьяниномъ.

Эти то обще изложенныя обстоятельства и возобновили переселеніе малороссовъ на Донъ, а волна ихъ росла съ каждымъ десятилѣтіемъ XVIII столѣтія, такъ какъ при запретѣ принимать великороссовъ, малороссовъ донцы могли принимать свободно. Западные пришельцы свободно проникаютъ въ составъ казачества служилаго и образуютъ еще подсобный классъ зажилыхъ бурлаковъ и озимейныхъ казаковъ, съ 1740-хъ годовъ названныхъ во вниманіе къ составу ихъ прямо озимейными малороссіянами. Малорусскій выходецъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ тогда и работать по найму или изъ доли на низовыхъ промыслахъ, или при скотѣ и на поляхъ въ верховыхъ станицахъ, и вступить въ казачью семью и достигнуть равенства въ правахъ съ казаками чрезъ принятіе на себя обязанностей ихъ службы. На Дону въ виду этого скопляется много даже семейныхъ малороссовъ и въ 1733 г. къ переселенію на Царицынскую линію ихъ записалось 537 семействъ.

Къ этому-то времени люди съ хорошимъ чутьемъ своей выгоды начинаютъ охоту за малороссіянами и въ придонскихъ степяхъ. Къ 1735—1737 г. относится попытка генерала Тараканова посредствомъ призывныхъ листовъ населить слободу на захваченныхъ помощью подлога донскихъ земляхъ при устьѣ р. Мѣловой въ р. Калитву; но, благодаря энергичнымъ протестамъ войска Донского противъ ненавистнаго сыщика 1728 года, Таракановъ жестоко поплатился по приговору Сената, а около 1000 его малороссовъ были съ Мѣловой сведены. Столь же неудачно кончилось предпріятіе генерала Алабердѣева на впадающей въ Бѣлую Калитву рѣчкѣ Большой. Но оба генерала потерпѣли неудачу, какъ чужаки, противъ которыхъ возвышало свой голосъ все войско Донское. Иначе кончилось дѣло у Троицкаго Мугулинскаго монастыря. При разслѣ-

дованіи въ 1734 г. жалобъ Мигулинской станицы на стѣсненія, „игуменъ Иосифъ показалъ о вышепомянутомъ люцкомъ поселени (!) близъ Мигулинской станицы: указу онъ не имѣетъ; точию де по речке Тихой людское селение онъ чинилъ для монастырскихъ нуждъ изъ малороссиянъ того ради, что за онымъ монастыремъ рабочихъ людей не имѣетца: а оное селение начелось съ 732-го году, и поселено нынѣ оныхъ малороссиянъ 42 двора, а числомъ людства (м. п. душъ) 49 человѣкъ, которые де пашпортовъ у себя ни откуда не имѣютъ,... Острогожскаго полку в полковую канцелярию за порцы (!) и за рацы (!) положенное на нихъ плотятъ; и на оную землю, где малороссияне поселены предъявилъ къ тому слѣдствию з грамотъ и с указу копіи". Платившіе нужное малороссы были оставлены на принадлежащихъ монастырю земляхъ. Эти 3 дѣла имѣли важныя послѣдствія.

Правительство запрещаетъ въ 1736 г. принимать на Донъ малороссіянъ изъ слободскихъ полковъ, а зашедшихъ велѣно обложить великорусскими платежами. Въ 1737 г. указомъ Сената военной коллегіи предположено было послать на Донъ для переписи малороссовъ бригадира Горюшкина. Тотъ за болѣзнью не поѣхалъ. Въ январѣ 1739 г. приказали послать другого бригадира, но посылка опять не состоялась. Тогда 8 февраля 1740 г. состоялось повелѣніе: „имѣющихся въ донскихъ казачьихъ юртахъ шатающихся бѣглыхъ малороссіанъ, по силѣ прежнихъ указовъ, выслать всѣхъ на прежнія ихъ жилища безъ всякаго задержанія". Реальныхъ послѣдствій указъ, кажется, не имѣлъ. А въ 1749 г. требовали снова лишь высылки слободскихъ полковъ казаковъ ихъ свойственниковъ и подпомощниковъ.

Сдѣлали свои выводы изъ 3 процессовъ и владѣльцы донскихъ хуторовъ и мельницъ, уже прежде нанимавшіе малороссовъ на работу. При мельницѣ войскового атамана Данилы Ефремова на р. Тузловѣ оказалось въ 1739 г.

до 50 семей „прочанъ“, и хотя Сенатъ указалъ въ 1740 г. людей этихъ „по силѣ прежнихъ указовъ“ выслать на прежнія жилища и на той мельницѣ и нигдѣ въ донскихъ городкахъ жить не допускать, однако, въ 1742 г. тотъ же Сенатъ узналъ, „якобы имѣется пріемъ бѣглымъ крестьянамъ для поселенія въ низовыхъ городкахъ въ жительство; и принимаетъ де ихъ казакъ прозваніемъ Краснощековъ; и какъ де къ нему тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ сколко явится, всякому будто даетъ награжденіе по 5 рублей да льготы на 5 лѣтъ“. У дѣтей героя И. М. Краснощекова въ 1764 г. оказалось дѣйствительно нѣсколько слободъ со значительнымъ количествомъ людей ; назывались они, однако, всѣ малороссами; потерпѣвшему, быть можетъ, на Тузловѣ Данилѣ Ефремову войско пожаловало въ 1747 г. Черногаевскій юртъ уничтоженной въ 1708 г. на р. Медвѣдицѣ одноименной станицы, а у сына его Данилы въ 1764 г. здѣсь въ слободѣ Даниловкѣ было уже 367 д. м. п. малороссовъ.

Населяли свои хутора временными рабочими и прочными дворовладѣльцами изъ днѣпровскихъ и ныхъ „прочанъ“ и другіе старшины со знатными казаками. Чрезъ поселившихся они и впредь зазывали ихъ далекихъ земляковъ, заманивая новичковъ „на слободу“ весьма легкими на первыхъ порахъ повинностями, а иногда просто нуждаясь хотя бы и въ наемныхъ, но близко живущихъ рабочихъ рукахъ. Посланцы съ Дону разглашали на родинѣ, что „в тѣхъ хуторахъ і юртахъ жить лехко и никакихъ поборовъ и тягостей не бываетъ“ (7); на эти призывы шли даже подпомощники и казаки слободскихъ полковъ. Въ стремленіи удержать и возвратить этихъ послѣднихъ работавшая тогда комиссія о слободскихъ полкахъ указала правительству на ростъ малорусскихъ посе-

(7) Донской Музей. Старочеркасскій архивъ № 570.

леній на земляхъ Донского войска. Результатомъ было Высочайшее повелѣніе отъ 11 марта 1763 г. о производствѣ точной переписи вольнымъ черкасамъ, между прочимъ, и на земляхъ войска Донского; найденныхъ казаковъ и подпомощниковъ переписчики должны были выслать на родину, а на остальныхъ положить платежъ въ 70 коп. съ души.

13 регулярныхъ офицеровъ, присланныкъ изъ Коммиссіи о слободскихъ полкахъ, собрали въ 1763 г. семигривенный окладъ съ 20422 м. п. душъ переписанныхъ ими малороссіянъ. Роспись чрезъ поднесеніе Сенатомъ была утверждена Императрицей Екатериной II, а донскіе вольные малороссы по сбору оброка были записаны, какъ „подданные“ за „владѣльцами“: при отлучкахъ „подданныхъ“ „владѣльцы“ выдавали имъ срочные паспорты, а сами отвѣчали предъ войскомъ и правительствомъ за неправильный взносъ полной суммы оброка.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ общемъ числѣ оброчныхъ черкасъ на Дону въ ближайшее же время произошли крупныя измѣненія. Сами офицеры изъ 20422 д. выслали на родину 1546 казаковъ и подпомощниковъ слободскихъ полковъ. Войсковая канцелярія исчисляла остальныхъ донскихъ черкасъ даже не въ 18876 д., но въ 18393 души, а за вычетомъ подданныхъ ген.-маіора Краснощекова на отвѣтственности войска къ 1764 г. оставался взносъ оклада за 17836 д. Весною этого года пришлось далѣе произвести „повѣрку“ переписи 1763 г. уже силами канцеляріи войсковыхъ дѣлъ старшинъ. Для работавшей тогда въ крѣп. св. Димитрія комиссіи ген. Романіуса старшины отмѣтили въ 1764 г. не только мѣстожительство и владѣльцевъ донскихъ черкасъ, но взяли съ каждаго подданнаго „сказку“ о составѣ его семьи въ душахъ муж. пола, о мѣстѣ его рожденія, времени схода съ родины и прихода на Донъ; подданный же или владѣлецъ его должны были показать: изъ найма или въ поселеніи живетъ

малороссъ? кѣмъ, давно-ль и по какому праву основано поселеніе? кѣмъ, когда и по какому указу принятъ на жительство сюда подданный? каковы его хозяйственныя отношенія съ владѣльцемъ, и оплаченъ ли оброкъ малороса? всѣ-ли поселенцы и наемные рабочіе положены въ окладъ, „и не имѣется-ль между оными малоросіянами слободскихъ полковъ казаковъ и ихъ свойственниковъ, тако жъ великоросійскихъ людей и бѣглыхъ салдатъ, драгунъ, рекрутъ, матрозовъ, подъ нацею (!) тою кроющихся“? Изъ огромнаго фоліанта „сказокъ“ въ 1562 листа ([8]) ревизоры старшины сдѣлали свой экстрактъ—сводку, наглядно изобразившую всѣ годичныя измѣненія въ составѣ донскихъ малороссовъ: народилось 242 д., а умерло 182; пришло новыхъ „прочанъ“ 1347 д., а выслано „по указамъ“ 109 д. да самовольно ушло 3233 д. м. п.: осталось, значитъ, въ окладѣ 1764 г. всего 15901 д. м. п. противъ 17836 д. 1763 года. Наиболѣе замѣтно измѣнились частные итоги по городу Черкасску (1396—1105), грушевскимъ, кривянскимъ, заплавскимъ и керченскимъ хуторамъ (743—530) и по станамъ азовскаго прибрежья съ его гирлами и косами (2624—1770): убыль бродячихъ бурлаковъ по этимъ 3 статьямъ въ 1357 д. покрываетъ свыше $^2/_3$ общаго уменьшенія съ 17836 до 15901 д. Число станичныхъ и частновладѣльческихъ малороссовъ почти не измѣнилось. Для донской исторіографіи весьма ново и интересно, что изъ 18393 д. за станицами въ 1763 г. зачислено (за общинами и „по разнымъ казакамъ“ съ общимъ итогомъ) до 9000 д., при рыболовныхъ станахъ и рыбоспѣтныхъ заводахъ до 4000, за частными же владѣльцами при 3 монастыряхъ (290 д.), хуторахъ и мельницахъ всего около 5500 д. м. п., т. е. больше $^1/_4$, но меньше $^1/_3$ общаго числа донскихъ „подданныхъ“ 1763 г. ([9]).

([8]) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Дѣла военн. коллег. казачьяго повытья. Опись 107. Связка 105-я.

([9]) Тамъ же. Связка 138, лл. 21—23 оборотъ.

Для насъ здѣсь интересны только частновладѣльческіе подданные. Ихъ то положеніе по „повѣркѣ“ 1764 г. мы и разсмотримъ, такъ какъ переписью—повѣркой именно и начался тотъ длительный процессъ фискально-административнаго закрѣпощенія малорусскихъ подданныхъ за донскими владѣльцами, который закончился только въ 1796 году.

Для 1763/4 гг. въ этомъ отношеніи характерно признаніе Канцеляріи войсковыхъ старшинъ въ промеморіи для крѣпости св. Дмитрія отъ 29 октября 1764 г., „что в войске Донскомъ О принимании в жительство пришлыхъ малоросиянъ никакихъ указовъ и повеленей нетъ; а приниманы они в жительство и для временныхъ работъ, смотря одинъ на другова, въ неведеніе Ея Императорского Величества указовъ, болѣе разсуждая по вольности бродящаго и всегда с места на место переходящаго сего народа: для того, с которыхъ точно лѣтъ начало ихъ на Дону вжительство принимания, подлинною обстоятельства войску Донскому сыскать невозможно“ ([10]).

При такомъ положеніи перепись-повѣрка застала однако на Дону около сотни довольно многолюдныхъ иногда малорусскихъ поселеній, осаженныхъ на земляхъ войска Донского его знатными и богатыми казаками. Многолюднѣйшей слободой была тогда Даниловка на р. Медвѣдицѣ, принадлежавшая извѣстному всякими правонарушеніями войсковому атаману Стефану Ефремову: за вывозомъ отсюда 29 д. на родину „по указамъ“, уходомъ 63 д. и смертью 2 д., при отсутствіи будто бы новорожденныхъ, число поселянъ Даниловки въ 1763/4 гг. сократилось съ 367 на 272 д. м. п.; тотъ же владѣлецъ имѣлъ на р. Калитвѣ въ хуторѣ Дубовникѣ 22 д. да на р. Большой 113, а всего 502 д. Но богаче всѣхъ подданными

([10]) Тамъ же. Связка 138, лл. 202—208.

былъ ген. маіоръ Ѳеодоръ Ив. Краснощековъ :на р. Кундрюческой въ 2 хуторахъ у него сидѣло 169 д., на Калитвѣ въ хх. Свиномъ, Криворожьѣ и Городищѣ 370 д., да на рыбномъ стану по Морской косѣ 48 д., а всего 587. У вдовы его брата Андрея на Кундрючьей было 93 д., а на балкѣ Западной 50 д. Видными владѣльцами были Грековы: Стефанъ—на Березовой 70 д., Петръ—на Полной 52, Тимоѳей—на Калитвѣ—въ Ольховскомъ хуторѣ 48 д., Дехтевомъ 85 д. и Камышномъ 19 д. Полк. Мих. Себряковъ имѣлъ на р. Арчадѣ при мельницѣ 123 д. да при другой на р. Березовой 14 д. При 16 приписныхъ за Кременскимъ монастыремъ, Троицкому Мигулинскому „въ подманастырской слободке“ принадлежало 89 д., а Усть Медвѣдицкій Спасскій монастырь въ слободкѣ Глушицѣ на р. Медвѣдицѣ населилъ 185 д. м. п. У вдовы Вас. Фролова на р. Быстрой было 92 д., а за Аксаемъ при мельницѣ 39 д. м. п. Тогда же существовали поселки: Макс. Гуляева на р. Арчадѣ при мельницѣ въ 84 д.; Вас. Манькова на Березовой 36 д.; на р. Глубокой-Тарасова 43 д., Туровѣрова 24, Дячкина 61; на Деркулѣ-Машлыкина въ 2 хуторахъ 131, Ив. Платова 60; на Ольховой у Ив. Иловайскаго въ Усть-Яблоновомъ, Усть-Вежинскомъ и Нижне-Обливскомъ 94, а у Мих. Поздѣева 88; на Каменкѣ у Ив. Кумшацкаго 48: на Калитвѣ—у Карпа Колпакова 97, Мак. Янова въ х. Шептухиномъ 96, Андрея Дячкина въ Терновомъ 95, Ал. Голова 59; на Калитвенцѣ въ х. Верхи-Калитвенца у троихъ Мартыновыхъ 36 д.; на р. Большой у Протопопова 75, Сариновой 59, Ив. и Марк. Ежовыхъ 26 д.; на Чиру у Вас. Леонова 55 д. м. п. ([11]).

Слободы заселялись „въ разныхъ годѣхъ“ „с позволения войска Донского грамотою“, „по словесному дозволению войскового атамана“, а то и „бес позволения вой-

---

([11]) Тамъ же. Связка 138, лл. 202—208.

ска донского, но самъ собою", если юртъ былъ войсковой въ станичныхъ юртахъ обычно спрашивали „дозволения станищнаго". Большая часть хуторовъ основана лицами, владѣвшими ими въ 1763 г, или получена ими отъ родителей: изъ этихъ позднѣйшихъ поселеній многія заручились войсковыми грамотами. Въ основѣ другихъ были древніе мельницы и хутора, основанные въ 1684 еще напр. году, а малороссами обселенные позже. Среди поселенцевъ мы не встрѣтимъ донскихъ уроженцевъ: кромѣ зеленой молодежи до 20 лѣтъ, это все сходцы на Донъ, рѣдко прожившіе здѣсь до 30 лѣтъ въ хуторѣ, исключая мельничные. „При мельницы 30-й годъ", „при хуторе 25-й годъ", сказали старики хуторяне старшины Сидора Кирсанова, сидѣвшаго на р. Кундрючьей: и только одинъ здѣсь же сообщилъ, что изъ „Прилуцкаго полку сшелъ на хуторъ въ 722 г.".

По семейному положенію среди частновладѣльческихъ приписныхъ преобладали семейные, а въ станицахъ, на станахъ и заводахъ одинокіе бурлаки. Но и у помѣщиковъ ихъ много; и часть подданныхъ ихъ работаетъ изъ найма, тогда какъ другая прочно поселилась и уже иногда изоброчилась.

Хозяйственное положеніе всѣхъ поселенцевъ вполнѣ обезпечено, а повинности и оброкъ легки даже въ мѣстахъ стараго заселенія, при полной хозяйственной независимости поселенца отъ владѣльца новозаселеннаго хутора. Такой поселенецъ показывалъ, напр., что „жительствуетъ при хуторе своимъ домомъ безъ всякаго оброка; а хлебъ жнетъ і сено коситъ з денежною заплатою поденно", какъ за плату „и всю хуторскую работу исправляетъ". Владѣлецъ этого хутора Вас. Леоновъ построилъ его въ 1761 г. „по данному отъ войска донскаго дозволению, а помянутыхъ малоросиянъ по ихъ волности въ жителство принелъ і при хуторе моемъ населилъ, не имея ниоткуда указа, но самъ собою, взирая на протчихъ". „Со оныхъ

малоросіянъ никакого оброку не збираетца, а жителствуютъ при хуторе своими домами с найма; довольствуютца оныя по вышеписанной речки Чиру пашнями і сенными покосами (во) владеломъ войсковомъ юрту". Рано или поздно въ поселеніи вводился оброкъ или издѣлье, а иногда то и другое. Заселяя мѣстечко на устьѣ Мѣловой, Тараканов обѣщалъ въ 1735 г. прочанамъ „свободы дается на 3 года"; послѣ льготныхъ лѣтъ по соглашенію съ громадой предполагается „чиншъ легкой,... а пашни и никакой полевой работы не будетъ; мельницамъ всѣмъ быть панскимъ, а занимать и починовать ихъ всею слободою; шинкамъ быть посполитыхъ людей и панскимъ". Алабердѣевъ сулилъ льготы на 5 лѣтъ, но съ послѣдующимъ установленіемъ взаимоотношеній по его произволу. Раньше неудачныхъ попытокъ генераловъ, заселилъ въ 1732 г. слободу игуменъ Троицкаго Мигулинскаго монастыря; объ обязанностяхъ подданныхъ въ этомъ старѣйшемъ малорусскомъ поселкѣ на Дону въ 1764 году замѣчено вотъ что: „со оныхъ малороссіянъ никакого оброку не збираетца а только на монастырь косятъ сено и жнутъ хлебъ в недели по одному дню; то жъ въ монастырскихъ исправленіяхъ чинятъ обыкновенное вспоможение". Мы видимъ, значитъ, здѣсь у слобожанъ уже установившуюся, но еще легкую барщину безъ оброка. Въ западной части Донского края — въ бассейнѣ Донца—обязанности поселенцевъ были, вопреки господствующему убѣжденію, не тяжелѣе, чѣмъ на востокѣ ([12]). Хуторовладѣлецъ, напр., рѣки Деркула, прибылянскій казакъ и походный есаулъ Ив. Платовъ о 13 бурлакахъ и 20 семьяхъ въ 48 д. м. п. показалъ ревизорамъ, что „оброку с нихъ никакого не збираетца и только безденежно 2 дни косятъ; то жъ въ хуторскихъ и мельничныхъ правленіяхъ случайное чинятъ

([12]) А. Карасевъ. Донскіе крестьяне. Труды Дон. войск. статистич. комитета. Стр. 73; вып. I. Новочеркасскъ. 1867 г.

вспоможение... Оной хуторъ... по наследству". На р. Глубокой владѣлецъ Петръ Тарасовъ при 13 наемныхъ бурлакахъ о 14 семьяхъ поселенцевъ заявилъ: „оброку с нихъ никакого не збираетца, а чинятъ в хуторскихъ исправленіяхъ случайное вспоможение: сено косятъ по 2 дни безденежно, жнутъ хлѣхъ с снопа". Старѣйшія семьи жили 8 й годъ. На той же рѣкѣ, но въ станичномъ Каменскомъ юртѣ Андрей Дячкинъ о 27 семьяхъ въ 64 д. м. п. (при 11 бурлакахъ) сказалъ: при отсутствіи оброка и случайной помощи по хутору и мельницѣ, „косятъ каждый по 15 копенъ (сѣна) безденежно; жнутъ каждый по 5 копенъ хлеба". Здѣсь 19 семей жили по 7—8 лѣтъ, а 8 только приселились ([13]).

Объединяя сообщенныя данныя, приходится сказать, что до 1763—4 года, начиная съ окончательнаго завоеванія Русью Азова, т. е. съ 1730 гг., на Дону въ сотнѣ мѣстъ донскими старшинами и казаками было поселено свыше 5000 м. п. душъ малороссіянъ. Прочане искали на Дону сельско-хозяйственнаго приволья и доставившему угодья патрону соглашались платить небольшой оброкъ или выполнять въ его хозяйствѣ несложныя и кратковременныя работы. Владѣлецъ захваченнаго куска общевойсковой территоріи начиналъ эксплуатировать безъ указу поселенныхъ малороссовъ или сразу или послѣ ряда льготныхъ лѣтъ: кромѣ наемныхъ рабочихъ подъ рукою, онъ имѣлъ въ нихъ отчасти даровыхъ помощниковъ въ пору сельскохозяйственной страды, правилъ ихъ руками хуторъ и мельницу, а для послѣдней запасался въ ихъ же лицѣ помольцами, какъ выгадывалъ на нихъ и чрезъ шинокъ. Предѣлъ хозяйской эксплуатаціи былъ, впрочемъ, до переписи новѣрки весьма недалекъ: при серьезномъ недоволь-

---

([13]) М. О. А. Г. Штаба. Д. В. К. Каз. Повытье. Опись 107 Связка 105-я.

ствѣ поселенцы снова или прочь, осѣдая у другого патрона, такъ какъ еще въ 1765 г., по сообщенію Военной коллегіи новаго коменданта крѣп. св. Димитрія, г. м. Потапова, малороссы „по всему Донскому войску жительствуютъ і вольно ізъ места в место, куды хотятъ переходятъ, (а онъ) бѣзъ особаго на то указу вступатца должности никакой і не имеетъ“ ([14]).

Это говорилось однако въ самые послѣдніе мѣсяцы золотой малорусской вольности—свободы перехода: изъ фискальныхъ соображеній администрація, къ радости донскихъ владѣльцевъ, уже готовила узы вольному народу. Наблюдая крупныя перемѣны въ личномъ составѣ донскихъ оброчныхъ черкасъ въ 1763—4 году и опасаясь за казенный интересъ, въ случаѣ доставки неполной окладной суммы, Военная коллегія затруднялась дачей указаній подчиненнымъ своимъ въ крѣп. св. Димитрія и Черкасскѣ. Коллегія запрашиваетъ поэтому 15 марта 1765 г. у авторитетной по малорусскимъ дѣламъ комиссіи о слободскихъ полкахъ: 1) „выбылые отъ нынешнихъ мѣстъ гдѣ по ревизи написаны были? и впредь выбывающихъ ізъ окладу выключать-ли? 2) самовольно ізъ мѣста в мѣсто переходить имъ дозволено-ли? 3) ежели кто куды прибудетъ в такой окладъ для платежа впредь писать-ли?“ ([15]). Отвѣтъ получился отъ канцеляріи возникавшей вмѣсто комиссіи слободско-украинской губерніи.

13 пунктомъ опредѣленія положенія посполитыхъ губернская канцелярія 16 октября 1765 г. предписала: „к переходу владѣльческихъ подданныхъ черкасъ впредь до указу на другое селение отнюдь не допускать, чего за ними каждой канцеляріи по должности своей смотреть и самовольно ушедшихъ по требованіямъ владѣльцовъ ихъ

([14]) Тамъ же. Связка 138, лл. 78—79.
([15]) Тамъ же. Связка 138, лл. 65—66.

на прежнее жилище отдавать"; до распоряженія объ этомъ высшаго начальства принявшій бѣглыхъ владѣльцевъ съ сообщеніемъ о пріемкѣ должны были взнести оброкъ за принятыхъ. Губернаторъ Щербининъ отъ себя добавилъ къ этому, что губернская канцелярія должна по донесеніямъ помѣщиковъ о самовольныхъ приселенцахъ къ нимъ составлять общія поуѣздныя вѣдомости бѣглецамъ и чрезъ соотвѣтствующую уѣздную канцелярію сообщать о ихъ мѣстонахожденіи ихъ прежнимъ владѣльцамъ для взятія бѣглецовъ на прежнія жилища. Формально это опредѣленіе не противорѣчило манифесту о малороссійской вольности (15 дек. 1763 г.), который, вопреки предположеніямъ нѣкоторыхъ ([16]), совсѣмъ не давалъ на дѣлѣ посполитымъ свободы перехода, обусловливая его отпускомъ владѣльца съ приказомъ послѣднему не задерживать поселенца. Этими-то двумя актами и стала руководиться Военная коллегія въ разрѣшеніи вопроса о правѣ донскихъ малороссовъ на свободу перехода отъ владѣльца къ владѣльцу; а вопросъ этотъ возникъ сейчасъ же.

Въ 1766 г. пріемъ малорусскихъ оброчныхъ денегъ отъ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ старшинъ порученъ былъ генералу Потапову. Дѣятельный комендантъ крѣпости св. Димитрія, столкнувшись съ предвидѣнными коллегіей затрудненіями, тотчасъ выработалъ для Черкасска „наставленіе", „какимъ образомъ с приписавшихся в войске донскомъ малороссіянъ положенной годовой семигривенной окладъ збирать". Пунктъ 4-й здѣсь гласилъ: „особливая должность есть наблюдать, дабы платежъ подушныхъ денегъ въ казну вступилъ безъ наималѣйшей недоимки..... отъ всехъ станицъ в канцелярію войсковыхъ делъ всегда присылать

([16]) Х. И. Поповъ. По поводу статьи: „Малороссіяне въ войскѣ Донскомъ" (И. И. Краснова, въ № 41 Донского Вѣстника за 1867 г.). 1867 г. Донской Вѣстникъ. № 47.

полную сумму;.... чего не дошлетца, взыскивать непременно, какъ с самихъ черкасъ, такъ со владелцовъ ихъ или і с станищныхъ атамановъ безъ изъятия, буде иногда оне тому притчиною будутъ; а чтобъ в зборе томъ помешательства недѣлалось, то изъ одной въ другую станицу, ниже отъ одного владельца к другому черкасъ собою не переводить и не переписывать, но быть имъ в техъ местахъ, где кто доныне написанъ, наивсегда". „Наставленіе" пошло въ Воен. коллегію. Та признала его соотвѣтствующимъ „опредѣленію" слободско-украинской губернской администраціи и конфирмовала. 20 октября того же 1766 г. Потаповъ собщилъ „наставленіе" въ Черкасскъ и 8 февраля 1767 получилась отъ него и копія „опредѣленія" Щербинина и его губернской канцеляріи ([17]). Свобода малорусскаго бродяжничества и на Дону отошла въ область преданій. Наставленіе и опредѣленіе пущены старшинами въ ходъ въ ближайшіе мѣсяцы по ознакомленіи съ ними.

Въ началѣ 1767 г. Аѳ. Мандрыченко, Іоак Плужниковъ и Ѳед. Ломака, назвавшись представителями 33 семей, подданныхъ Стеф. Ефремова, Ульяны Сариновой и Ал. Голова, письмено просили у Потапова позволенія на переходъ съ р. Большой на р. Медвѣдицу въ пустовой юртъ къ полковнику Мих. Себрякову. Мотивомъ выставлялся недостатокъ покосовъ, пашенныхъ земель и лѣсовъ при хуторахъ прежнихъ владѣльцевъ. 22 марта 1767 г. Потаповъ, собщая объ этомъ въ Черкасскъ, полагалъ, что, согласно конфирмованому наставленію его, черкасамъ, „должно быть при своихъ местахъ бес переходу в другия места", но что „напротиву жъ к удоволствию пашнями и покосами снабдевать следуетъ ихъ ненужными, дабы оне, имея оные, постояннѣйшими обдомовленными быть могли к надежному всегда пребыванию": „въ результатѣ генералъ предлагалъ

([17]) М. О. А. Гл. Штаба. Д. В. Каз. Повытье. Опись 107. Св. 118.

чтобы канцелярія войсковыхъ дѣлъ о снабденіи ихъ потребнымъ, если проэба незатейная окажетца, учинила по своему благоизобретению".

Старшинское благоизобрѣтеніе оказалось ярко крѣпостническимъ. 28 марта донецкому сыскному старшинѣ поручили послѣ тщательнаго слѣдствія о недостаткахъ на р. Большой „репортовать со всякою ясностию". Опросъ поселянъ выяснилъ, что всѣ довольны и обдомовлены, а 33 семьи подговорены тѣми 6-ю изъ нихъ, которыя заранѣе перебѣжали уже къ Себрякову, а прошеніе подали чрезъ него послѣ, когда узнали о „наставленіи" Потапова. Большинцевъ сманивали за Себрякова лучшими довольствіями его земель и жизнью у него „единственно на оброке за платежъ денегъ по 1 рублю с семьи и за казбу 3 дни безденежно сена". Кстати сказать, уже этотъ оброкъ съ издѣльемъ превосходитъ донецкіе оброки 1764 г.; положеніе большинцевъ въ 1766—7 г. было, стало быть, еще невыгоднѣе, а отсюда должно заключить, что перепись повѣрка немедленно сказалась въ ясномъ ухудшеніи положенія владѣльческихъ черкасъ на Дону еще до фискально-административнаго прикрѣпленія къ мѣсту Потаповымъ и Воен. коллегіей. Случаемъ съ большинцами старшины воспользовались очень широко. Бѣжавшіе къ Себрякову были возвращены къ прежнимъ владѣльцамъ, а для устрашенія неуспѣвшихъ подняться и другихъ, „дабы впредь от нихъ такихъ своеволныхъ и указамъ (!!!) Е. И. В. противныхъ поступокъ чинено не было", въ Черкасскѣ „определено" всехъ троихъ депутатовъ къ Потапову, „яко предводителей и зачинщиковъ к переходу отъ прежнихъ владелцовъ к полковнику Себрякову, наказать при хуторахъ, где они жителствуютъ, при собраніи протчихъ жителей жестоко плетми". Выполненіе приговора поручено сыскному старшинѣ. Приговоръ же былъ особой отпиской сообщенъ Воен. коллегіи съ просьбой крѣпкаго запрета Себрякову „таковыхъ к нему на поселеніе перезывовъ",

дабы „отъ него в зборе с нихъ казенныхъ податей по мешательства и упущенія не было". Военная коллегія, провѣривъ ссылки на „наставленіе" и „опредѣленіе", грамотою въ Черкасскъ вполнѣ одобрила въ 1768 г. приговоръ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ, а указомъ къ Потапову запретила Себрякову перезывъ подъ опасеніемъ неминуемаго отвѣта за помѣху въ сборѣ конфирмованной Е. И. В. окладной суммы ([18]).

Съ такимъ исходомъ дѣла большинцевъ несомнѣнно окрѣпло въ 1768 г. право на тысячи подданныхъ у тѣхъ самыхъ донскихъ старшинъ и казаковъ, о которыхъ въ 1794 г. поднялся у правительства вопросъ, имѣютъ-ли право казаки—не дворяне владѣть какими-нибудь шестью-семью сотнями зарегистрованныхъ у нихъ въ 1763 г. крѣпостныхъ людей.

Съ того же 1768 г. по 1772 г, Черкасскъ настойчиво побуждаетъ правительство строго оберегать права донскихъ владѣльцевъ высылкой къ нимъ всѣхъ ихъ подданныхъ бѣжавшихъ отъ разныхъ тягостей въ новозаселявшіяся тогда государственныя слободы по рр. Луганчику и Ольховой.

Въ 1768 г. весной казакъ Ив. Кумшацкій пожаловался въ Черкасскъ на уходъ 7 семей его приписныхъ малороссовъ изъ его хутора на р. Каменкѣ „в гусарския жилища". Донецкому сыскному старшинѣ предписываютъ развѣдать мѣстонахожденіе бѣглецовъ и требовать отъ мѣстной полковой администраціи высылки черкасъ. Старшина узналъ о пребываніи послѣднихъ въ слободѣ Ольховой, подчиненной бахмутскому подполковнику Шевичу, требовалъ возврата бѣглыхъ и объясненія причинъ пріемки ихъ. Но Шевичъ отозвался неимѣніемъ требуемыхъ лицъ, тогда какъ старшинскій посланецъ лично видѣлъ ихъ на жительствѣ въ слободѣ Ольховой. Теперь уже сама канцелярія войсковыхъ дѣлъ 7 іюня 1768 г. промемо-

([18]) Тамъ же. Таже связка.

ріей въ воинское гусарское правленіе при бахмутской крѣпости требуетъ понужденія Шевича къ выдачѣ бѣглыхъ Кумшацкаго сыскному старшинѣ р. Донца. Отвѣтной промеморіей увѣряютъ, что Шевича побудили, а донецкій старшина въ концѣ года доноситъ, что за разбродомъ 2 семей 5 все еще живутъ у Шевича и 3 построили свои дома. На новую промеморію изъ Черкасска отъ 14 марта 1769 г. изъ Бахмута слѣдуетъ тотъ же предупредительный отвѣтъ, а на дѣлѣ Кумшацкій не получилъ своихъ 5 семей въ 11 м. п. душъ бѣглецовъ и до 23 ноября, ибо Шевичъ пренебрегалъ ордерами бахмутскаго правленія. Тогда канцелярія войсковыхъ дѣлъ 12 марта 1770 г. особой отпиской проситъ указа на Бахмутъ уже у Военной коллегіи, домогаясь при томъ не только высылки 5 семей, но и принципіальнаго запрета бахмутцамъ принимать малороссіянъ, самовольно выходившихъ изъ вѣдомста войска Донского. Опорой служили все тѣ же наставленіе и опредѣленіе, игравшіе роль Е. И. В. указовъ ([19]).

Въ это именно время появились и новые аргументы у Черкасска, какъ выбѣжало тогда и много новыхъ донскихъ поселенцевъ. Въ результатѣ Черкасскъ снова одержалъ серьезный успѣхъ.

Правительственнымъ указомъ, въ виду тянувшейся тогда войны съ турками, по рр. Луганчику, Бѣлой Лугани и Ольховой велѣно было населить въ 1770 г. государственныя слободы,—опорные пункты для скоплявшихся и двигавшихся по границѣ войскъ. Матеріаломъ для заселенія должны были послужить выходцы изъ-за границы и запорожскихъ вольностей раскольники и пожелавшіе перейти отъ помѣщиковъ—гусаръ малороссы. Но осадчіе стали приниматьвъ новыя слободы и всякихъ другихъ бѣглецовъ, между прочимъ и донскихъ малороссовъ. Канцелярія войсковыхъ дѣлъ завязала частую переписку съ Бахмутской

([19]) Тамъ же. Таже связка.

городовой канцеляріей, завѣдывавшей слободой Петропавловской, и съ маіоромъ Штеричемъ, заводившимъ слободу Екатерининскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ своими жалобами на нихъ и Шевича осаждала и Военную коллегію. Бахмутская городовая канцелярія не смогла представить въ 1770 г. какихъ бы то ни было основаній въ оправданіе пріемки самовольно вышедшихъ съ Дону малороссовъ и увѣдомила, что въ пресѣченіе зла ею поставлена въ слободѣ Петропавловской воинская команда. Однако въ маѣ 1771 г. на Свидовскомъ перевозѣ чрезъ р. Донецъ сыскной старшина Скороходовъ задержалъ солдата и 11 душъ семейныхъ малороссовъ. Оказалось, что осенью 1770 г. они бѣжали съ р. Быстрой въ слободу Петропавловскую, записавшись тамъ, пробыли зиму, а весною осадчій послалъ ихъ за семьями, скотомъ и хлѣбомъ и для пропуску на переправахъ далъ имъ въ правожатые солдата изъ слободской команды со срочнымъ паспортомъ, гдѣ указана была и его миссія. Малорусскія семьи воротили въ хуторъ Себрякова на р. Быстрой, а допрошенный и переданный Потапову солдатъ явился для старшинъ вѣсской уликой противъ Бахмута и аргументомъ предъ Военной коллегіей, куда изъ Черкасска послѣ 18 апрѣля 1770 г. писали и въ апрѣлѣ 1771 г. 1 апрѣля 1771 г. объявлялся уходъ въ Петропавловку многихъ донскихъ подданныхъ, которые оттуда „з данными билетами отпускаютца на прежнія жилища с срокомъ для забранія своего скота и хлеба“; между тѣмъ въ крѣп. св. Дмитрія и Таганрогъ съ Дону наряжали на работы 350 пароволовыхъ подводъ съ погонщиками, а потому ожидали, что малороссы, побѣжавшіе съ Дону послѣ первыхъ же нарядовъ, „такіе свои переходы отъ войска Донского в другия мѣста и гораздо умножатъ къ крайнѣй остановкѣ в вышеписанныхъ крепостяхъ казенныхъ работъ“. Военная коллегія слала указы чрезъ кіевскаго генералъ-губернатора и на Бахмутъ, и къ Штеричу и къ Шевичу. Однако приказчики послѣдняго отнятіемъ скота рѣшительно препят-

ствовали возврату на Донъ даже тѣхъ малороссовъ, которые тяготились пребываніемъ въ Ольховой. Что же касается Штерича, то онъ, при указахъ къ нему, отстаивалъ самое свое право пріема донскихъ выходцевъ и 10 марта 1772 г. рѣшительно выговаривалъ Черкасску, что „войска Донского разные старшины желающихъ малороссиянъ перейтить и переселитца в новозаселяемыхъ государственныхъ слободахъ недопускаютъ, а темъ де, кои в те слободы записывались или записатца желаютъ, чинятъ нещадныя побои и грабительства“, тогда какъ манифестъ о вольности малороссійской (15 дек. 1763 г.) рѣшительно де запрещаетъ владѣльцамъ задерживать отпускъ посполитыхъ, а канцелярія войсковыхъ дѣлъ не можетъ опасаться за казенный интересъ, разъ малороссы отпускаемые имъ за семьями и имуществомъ у него уже записались. По существу стойкій Штеричъ былъ правъ, но одолѣло формальное право Черкасска, лишній разъ вскрывъ истинную сущность манифеста 15 дек. 1763 г., вмѣсто вольности крѣпившаго малороссіянъ. 31 марта 1772 г. канцелярія войсковыхъ дѣлъ отправила въ Военную коллегію свою сезонную, но исключительно настоятельную отписку. Здѣсь исчислялись всѣ проступки противъ донцовъ, допущенные Бахмутской городовой канцеляріей, Шевичемъ и особенно Штеричемъ, отмѣчалась безрезультатность указовъ свыше по ихъ адресу, тщетность старшинской переписки съ ними; „къ полученію вышедшихъ..... отъ владельцовъ... малороссіанъ на прежнія жилища не осталось никакого способу, а оныхъ малороссіянъ и нынѣ отъ войска Донского требуетца покуда в крепость... (Св. Дмитрія и Таганрогъ)... 478 человѣкъ, которыя и наряжаютца“; въ концѣ просили позволенія отправить въ новозаселяемыя слободы нарочнаго старшину съ командой и свѣдущихъ людей съ нимъ, дабы, опознавъ бѣглецовъ, своими силами воротить ихъ на Донъ, разославъ съ семьями и имѣніемъ по старымъ пепелищамъ; для ненавистнаго же Штерича требовали осо-

баго указа съ категорическимъ отрицаніемъ его права на пріемку подданныхъ, выбѣгавшихъ изъ за донскихъ владѣльцевъ въ Славяносербію. Проявивъ такую требовательность, старшины Черкасска на грамоту коллегіи о скорѣйшемъ нарядѣ малороссовъ къ крѣпостнымъ работамъ прямо заявили, что наряженныя партіи въ 659 черкасъ доставляются къ работамъ казаками-сгонщиками „с уменьшеніемъ и недостаткомъ по притчинѣ из жительствъ ихъ, а некоторыхъ из дороги, веденныхъ для работы, множественнымъ числомъ и съ семействомъ побегу в новопоселяемыя... гусарския жилища“, увѣдомленіе о безплодности переписки было повторено, а съ нимъ и просьба о разрѣшеніи на посылку своей сыскной команды.

Отвѣтъ коллегіи носилъ на этотъ разъ категорическій характеръ при важности темы, затронутой Штеричемъ и старшинами. Войсковыхъ дѣлъ канцеляріи предписано было нарядъ къ крѣпостямъ выполнить безъ отговорокъ, командъ своихъ для сыску не посылать, а о всѣхъ бѣжавшихъ приписныхъ черкасахъ увѣдомить кіевскаго генералъ-губернатора; за то послѣднему посланъ былъ указъ съ разъясненіемъ, что манифестъ 1763 г. вольность малороссійскую полагалъ въ правѣ выхода по отпускѣ отъ владѣльца, что Шевичъ и Штеричъ, принявъ ушедшихъ безъ отпуска и посылая ихъ съ видами забирать съ Дону семьи и имущество, поступили противозаконно, нарушили интересы донскихъ владѣльцевъ и повредили успѣху казенныхъ работъ; изъ Кіева обоимъ должны были приказать разыскать бѣглецовъ и „на коштѣ держателей“ возвратить на Донъ, а по всей Новороссіи запретить пріемъ съ Дону выходцевъ безъ паспортовъ, обязать администрацію края сыскомъ бѣглыхъ съ представленіемъ командѣ вѣдомостей лицъ, высланныхъ на Донъ, при увѣдомленіи о томъ и черкасскихъ старшинъ ([20]). Земля донскихъ казаковъ превратилась, слѣдовательно, для малороссовъ въ ту львиную

([20]) Тамъ же. Таже связка 118.

пещеру, къ которой вели лишь прямые слѣды звѣрья, но не было видно обратныхъ. Но у малороссовъ было мало лисьихъ свойствъ, такъ что донская западня и впредь все наполнялась ими, хотя положеніе прочанъ на Дону явно ухудшалось.

Съ запрещеніемъ выхода съ Дону вонъ и перехода внутри края малороссы превращаются здѣсь въ обособленное сословіе. До времени упраздняется ихъ переходъ въ ряды служилыхъ казаковъ и взаимныя брачныя связи двухъ сословій. Эти запреты распространяются и на оказачившихся станичныхъ малороссіянъ, хотя сотни семей послѣднихъ отмѣчены въ 1764 г. озимейными, т. е. полуслужилыми казаками, а многіе, кромѣ отправленія повинностей въ станицахъ, хаживали за казаковъ и въ полки.

Въ 1769 г. войско Донское просило Военную коллегію ради военнаго времени, исправности къ службѣ и личнаго желанія и просьбы разрѣшить перевести изъ приписныхъ и податныхъ въ служилые казаки 2 малороссовъ, братьевъ Синеоковыхъ, съ 3 ихъ сыновьями.

До 1763 г. это былъ бы желательный и безспорный случай пополнить ряды войска. Теперь коллегія, въ виду конфирмаціи Е. И. В. оклада съ 20422 д. м. п. донскихъ малороссовъ и запрета въ 1728 г. снимать съ кого либо казенные сборы „собою“, рѣшительно заявила, что Синеоковыхъ „ис подушнаго оклада исключить и въ войско донское в казачью службу опредѣлить невозможно“ ([21]). Отсюда видно, что податное состояніе на время отдѣлило донскихъ малороссовъ отъ рядовъ служилаго казачества непроницаемой стѣной. Въ 1776 г. войсковою грамотою казакамъ запрещено было отдавать за малороссовъ казачьихъ вдовъ и дочерей. Впослѣдствіи эти стѣсненія ослабѣли и малороссы во множествѣ вступали въ казаки. Въ 1792 г. на 30284 ч. служилыхъ казаковъ, поступившихъ

([21]) Тамъ же. Указъ 10 іюля 1769 г.

изъ малороссіянъ въ казаки, было 1591 ч.: эта новая толпа не успѣла еще, значитъ, затеряться въ общей массѣ казачества. Особенно часто оказачивались юридически станичные малороссы, заранѣе сближавшіеся и свыкавшіеся съ казачьимъ бытомъ и сноровкой. Эта группа станичныхъ малороссовъ, послѣ частныхъ предыдущихъ заимствованій изъ нея, предъ нашествіемъ Наполеона была включена въ войско Донское всѣмъ своимъ остаткомъ къ тому времени. Зато положеніе владѣльческихъ подданныхъ, все умножавшихся въ числѣ своемъ съ 1770хъ годовъ, измѣнялось все къ худшему: параллельно увеличенію государственнаго тягла они попадали въ силу фискальной политики правительства во все болѣе прочную зависимость отъ донскихъ помѣщиковъ.

Со времени пріобрѣтенія Русью Новороссіи водворяется безопасность отъ внѣшнихъ враговъ въ бассейнѣ р. Міуса. Полновластно распоряжавшаяся тогда на Дону старшина быстро расхватываетъ по рукамъ благодатныя замиренныя земли, а въ 1780-хъ годахъ и далѣе занимаетъ латифундіи въ Задоньѣ. На юго-западѣ вновь, а въ бассейнѣ Донца въ плюсъ къ старымъ выростаютъ многолюдныя слободы пришлыхъ малороссіянъ. Они не находили теперь на Дону свободы, но садились на прекрасныхъ угодьяхъ; на родинѣ же ихъ давила земельная тѣснота и панская неволя, ибо за фактическимъ отнятіемъ права перехода въ административно-фискальномъ порядкѣ, 3 мая 1783 г. малороссы гетманщины и кіевщины особымъ закономъ были окончательно прикрѣплены къ землѣ и своимъ помѣщикамъ, а за побѣги съ ними рѣшено „поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ“. Это-то раннѣйшее закрѣпощеніе черкасъ на родинѣ и надвинуло ихъ тучи на Донъ съ конца 1770-хъ годовъ послѣ перерыва въ ихъ имиграціи съ 1763 г. Теперь шелъ все рабочій земледѣльческій людъ, а садился онъ на земляхъ помѣщиковъ, при открывавшейся тѣснотѣ станичныхъ.

Въ 1782 г. перепись зарегистрировала на Дону за станицами только 7456 д. м. п., тогда какъ за владѣльцами частными записано было 19123 д. при 1106 д. крѣпостныхъ крестьянъ, въ значительной степени пополненныхъ къ прежнимъ, кромѣ нарожденія и покупки, еще вывозомъ изъ мѣстъ стоянки казацкихъ полковъ въ Польшѣ и на другихъ границахъ. При умноженіи донскихъ черкасъ (за всѣми убылями) съ 15901 д. въ 1764 г. до 26579 д. въ 1782 г., постоянный наплывъ впослѣдствіи довелъ ихъ число въ 1795 г. до 50633 д. частновладѣльческихъ подданныхъ при 3864 д. всего приписныхъ за станицами; число крѣпостныхъ дошло до 3995 д. Въ слѣдующемъ 1796 г. донскіе подданные были закрѣпощены по землѣ и лицу уже Именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ, завершившимъ процессъ, начавшійся, какъ мы видѣли, въ $176^{3}/_{4}$ годахъ ([22]).

Необходима одна оговорка объ истинномъ значеніи указа 12 декабря 1796 г. въ исторіи утвержденія крѣпостного права на Дону. По взгляду А. А. Карасева, „этимъ актомъ заключилось непрочное полукрѣпостное на Дону право и многіе владѣльцы увидѣли себя потомственными обладателями нѣсколькихъ сотъ, и нѣкоторые тысячь душъ, имѣя право переводить къ нимъ пріобрѣтенныхъ ими крестьянъ покупкою изъ другихъ губерній“. Можно согласиться, что въ понятіяхъ владѣльцевъ, а равно въ ихъ и войсковой практикѣ, указъ завершилъ полуофиціально сложившееся на Дону съ 1766 г. крѣпостное право; но вѣдь, и до 1796 г. владѣльцы серьезно эксплуатировали приписныхъ подданныхъ, какъ постепенно умножали они и число своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, печему то неотнятыхъ въ 1764 г. у старшинъ и казаковъ недворянъ. Формальнаго

([22]) Послѣднее достаточно изложено по документамъ Хоперскаго архива, хранящагося при Донскомъ музеѣ, въ отмѣченныхъ статьяхъ Х. И. Попова и А. А. Карасева.

же узаконенія крѣпостничества на Дону донскіе заурядъ помѣщики ([23]) 1796 г. отъ благоволившаго къ крестьянамъ Императора Павла I не получили, а лишь сами постарались истолковать его повелѣніе въ свою пользу и къ упроченію исторически создававшейся ихъ власти надъ малорусскими поселенцами.

Указъ касался Новороссіи; правительство дошло до „употребленія самыхъ крайнихъ мѣръ“ въ стремленіи пресѣчь здѣсь весьма вредившее потомственнымъ владѣльцамъ дворянамъ бродяжничество ихъ крестьянъ; послѣднее давало „поводъ корыстолюбцамъ, забывшимъ присягу, отваживаться на подговоры туда къ побѣгу крестьянъ изъ самыхъ внутреннихъ губерній“. Крайнею мѣрою былъ указъ, чтобы „каждый изъ поселянъ оставался въ томъ мѣстѣ и званіи, какъ онъ по нынѣшней ревизіи написанъ будетъ, а также на Дону и на островѣ Тамани съ состоянія указа Нашего“. Такимъ упоминаніемъ русское правительство возобновляло только лишній разъ существовавшую на Дону и раньше „преграду самопроизвольному поселянъ переселенію, законопротивному подговору, пріему и держанію чужихъ крестьянъ и всякаго рода бѣглыхъ людей“. Отвѣтственность за „водворяемое Нами повсюду благоустройство“, т. е. крѣпость землѣ и званію, возлагалась на „войсковое правительство и особенно на Войскового Атамана“. Это тоже не было новостью на Дону, гдѣ переходъ малороссамъ запрещенъ былъ, повторяю, еще въ 1766 году, съ обязятельствомъ войсковыхъ властей, напримѣръ, въ 1772 г. путемъ сношеній требовать возврата выбѣжавшихъ за предѣлы края и съ запретомъ, напримѣръ, отъ Сената въ 1785 г. селить вновь кого бы то ни было на войсковыхъ земляхъ. Вчитываясь въ указъ 1796 г.,

---

([23]) Къ этому времени за монастырями уже не было подданныхъ: послѣдніе были обращены въ казаки или вышли въ соляные возчики Саратовской губерніи по упраздненіи было донскихъ обителей въ 1788 г.

убѣждаешься, что донская старшина поняла актъ произвольно, а практиковала гораздо шире должнаго и какъ можно выгоднѣе для всего донского дворянства, образованнаго въ 1798 г. изъ мѣстнаго заурядъ офицерства черезъ сравненіе его въ правахъ съ офицерами русской регулярной арміи. Быть можетъ, ободренное именно этимъ дворянское правительство войска отнесло и къ Донскому краю смутно выраженное въ указѣ намѣреніе Императора Павла I „утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца“ въ губерніяхъ Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и области Таврической, хотя о Донской землѣ здѣсь совсѣмъ не упоминалось и хотя въ 1796 г. лишь малая часть донскихъ владѣльцевъ обладала дворянствомъ съ его исключительной привиллегіей на крѣпостное владѣніе людьми; хотя не далѣе, какъ въ 1795 г. поселяне донскіе были записаны за владѣльцами все еще „въ званіи“ „приписныхъ подданныхъ“, что, стало быть, и узаконялось въ 1796 г; хотя сенатскій указъ 1 февраля 1795 г. повелѣвалъ брать рекрутъ съ донскихъ малороссовъ наравнѣ съ поселянами казеннаго вѣдомства.

Намѣреваясь вопреки указа объявить вскорѣ своихъ „приписныхъ подданныхъ“ „крестьянами“, донскіе помѣщики уже въ явную противность акту 12 декабря 1796 г. еще нѣсколько лѣтъ продолжали вакханалію расхвата войсковыхъ земель съ заселеніемъ угодій, то взятыми у станицъ ихъ приписными, то незаконно выбѣжавшими на Донъ посторонними краю малороссами: въ 1802 г. оказалось свыше 5000 д. прибылыхъ противъ 1795 г., якобы изъ „пропущенныхъ и явившихся изъ бѣговъ“. Аппетиты „корыстолюбцевъ, забывшихъ свою присягу“ были просто неудержимы: въ Именномъ указѣ 20 марта 1800 г. Императоръ Павелъ I рѣзко писалъ на Донъ, что отъ помѣщиковъ Новороссіи „ихъ бѣжавшіе люди для укрывательства прямо идутъ въ земли войска Донского“, исключалъ изъ службы донского полковника Мѣшкова, у котораго

нашлись 8 семей бѣглыхъ, а за донское пристанодержательство вообще грозилъ смѣною самому Войсковому Атаману, генералу отъ кавалеріи Орлову.

Въ результатѣ своекорыстныхъ стремленій и дѣйствій за 1796—1811 гг. войсковое правительство записало по 6 ревизіи за донскими дворянами-помѣщиками 1811 г. 71804 д. малорусскихъ „крестьянъ“ вмѣсто 50633 д. „приписныхъ подданныхъ“ донскихъ владѣльцевъ въ 1795 г. Прежніе 3995 д. похолопленныхъ или накупленныхъ крѣпостныхъ разныхъ націй превратились въ 1811 г. въ 5053 д. „дворовыхъ“. Опережая правительство въ формальномъ закрѣпощеніи полутораста тысячъ обоего пола малороссовъ, донскіе дворяне какъ будто сохраняли еще тѣнь отличія этой массы отъ 5000 крѣпостныхъ своихъ холоповъ „дворовыхъ“.

Одновременно съ сомнительнымъ по своей законности смѣшеніемъ „приписныхъ“ и крѣпостныхъ въ одинъ общій разрядъ крестьянъ донская знать позаботилась стереть съ лица земли живыхъ свидѣтелей недавней общей полувольности донскихъ малороссіянъ, уничтоживъ остатокъ ихъ, числившійся въ приписке за станицами. Попытки перевести ихъ въ частное подданство центральнымъ правительствомъ были рѣшительно остановлены; тогда для неудобной группы населенія войсковое начальство просило разрѣшеніе на перечисленіе ея, въ виду затянувшихся войнъ, въ ряды рѣдѣвшаго полноправнаго казачества. По представленію Платова, 16 сентября 1811 года Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта, предлагавшаго: „1) состоящихъ по войску Донскому за разными станицами малороссіянъ, какъ по ревизіи 1795 г. показано, 3836 душъ, переименовать въ казаки и исключить изъ подушнаго оклада“. Но, при всемъ вліяніи Платова въ Петербургѣ, такъ сильно веденная Домомъ игра съ порабощеніемъ малорусскихъ поселянъ и теперь не увѣнчалась правительственнымъ признаніемъ ея результатовъ. Госу-

дарственный Совѣтъ полагалъ, а Его Императорское Величество утвердилъ: 2) „разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе о малороссіянахъ, уступленыхъ станицами г. м. Иловайскому и водворенныхъ имъ на землѣ ему опредѣленной отложить до общаго разсмотрѣнія дѣла о земляхъ Войска Донского и о людяхъ, на оныхъ поселившихся". Отсюда видно, что и въ 1811 г. вопросъ о расхищеніи знатью общевойсковыхъ земель въ личное владѣніе, а равно о правѣ дворянъ на поселенныхъ ими „поселянъ"—„приписныхъ", „подданныхъ" „крестьянъ", въ Петербургѣ не считали рѣшеннымъ.

Оба эти вопроса вставали въ сознаніи правительства въ тѣсной взаимной связи: во избѣжаніе дальнѣйшаго стѣсненія казаковъ въ землѣ, 28 февраля 1816 г. совершенно запрещенъ былъ переводъ на Донъ купленныхъ въ иныхъ краяхъ Руси крестьянъ, хотя общее число переведенныхъ донскими помѣщиками рабовъ за 1811—1816 г. равнялось всего 1523 душамъ, а общее число „дворовыхъ" въ 7-ю ревизію 1816 г. на Дону даже понизилось съ 5053 на 4802 д. при увеличеніи числа крестьянъ съ 71804 д. 1811 г. до 74109 д. въ 1816 г. Исключая изъ прибыли въ 2305 д. 1523 д. переведенцевъ, получаемъ пятилѣтнюю прибыль у малороссовъ-крестьянъ равной всего какимъ нибудь 8 сотнямъ душъ на массу въ 72 почти тысячи. Эта задержка въ естественномъ приростѣ у закрѣпощенныхъ донскихъ малороссовъ за начальный періодъ 1811—1816 гг. выступаетъ довольно ярко въ сравненіи съ умноженіемъ ихъ къ 8-й ревизіи 1834 г. до 102560 д. при 3626 дворовыхъ, до 127161 и 3550 д. 9-й ревизіи 1850 г., 143682+2407 д. по 10-й ревизіи 1858 г. Застой въ приростѣ за 1811—1816 г. придется, кажется, объяснить побѣгами отъ ожесточавшагося торжествующаго крѣпостничества на Дону въ сравнительно неупорядоченное Поволжье и южное Приуралье.

Тѣ же малороссы, что остались навсегда на Дону,

нѣкоторое время все еще грезили и о меркнувшей своей свободѣ, а въ 1820 г. осмѣлились съ дрекольемъ и прочимъ холоднымъ оружіемъ требовать себѣ равныхъ правъ со свободнымъ населеніемъ Подонья.

Тогда, какъ разъ, наступилъ моментъ упорядоченія донского хаоса, гдѣ у самаго центра управленія даже „часть военная въ очередномъ порядкѣ, въ льготахъ, отставкахъ, соединяла во всѣхъ видахъ позорище торговаго рынка, а „земли-общее войсковое достояніе-войсковое начальство раздавало просящимъ по своему произволу". Видимое оскудѣніе и прямыя жалобы рядовыхъ донцовъ на это расхищеніе земель правящимъ дворянствомъ привели къ созданію Петербургомъ на Дону въ 1819 г. „органа реформъ въ разныхъ областяхъ донской жизни", въ видѣ „Комитета о устройствѣ Войска Донского". Отъ этого-то Комитета донскіе малороссіяне и чаяли освобожденія отъ панской власти: кѣмъ-то пущены были слухи, что свыше рѣшительно наказано Комитету освободить донскихъ крестьянъ, да только, вотъ, засѣдающіе въ немъ паны-помѣщики „тянуть" дѣло съ волей. Въ дѣйствительности при ликвидаціи донскихъ беззаконій и путаницы Комитетъ строго избѣгалъ нарушенія существовавшихъ къ 1819 г. интересовъ каждой изъ группъ войскового населенія: поступились лишь войсковыми землями въ потомственное владѣніе помѣщикамъ по 15—20 дес. на каждую душу ихъ людей „выходцевъ, теперь подъ именемъ крестьянъ извѣстныхъ", а возстаніе послѣднихъ только пришибло послѣднюю надежду на улучшеніе ихъ правового положенія. 20000 взрослыхъ мужчинъ населеннѣйшаго малороссами Міусскаго округа скопились въ 1820 г. у слободы Голодаевки съ требованіемъ оказаченія. Тщетны были воззванія руководившаго работами Комитета графа Чернышова объ успокоеніи: только дѣйствіе картечи охладило возбужденныя надежды массы и воротило ихъ подъ панское иго. Въ Петербургѣ эти событія отозвались, конечно, самымъ небла-

гопріятнымъ для крестьянъ образомъ (въ связи съ броженіями той епохи), а въ „Положеніи о Войскѣ Донскомъ“ 1835 г. донскіе крестьяне оффиціально трактовались потомственными крѣпостными помѣщиковъ съ нарѣзкой на каждую душу по 15—20 дес. земли въ потомственное же владѣніе. Такимъ образомъ, лишь въ 1835 г. и одновременно свыше было признано, наконецъ, за донскими помѣщиками право потомственной нѣсколько ограниченной собственности на часть войсковой земли съ крѣпостнымъ правомъ надъ приписанными когда-то ими за собой малорусскими поселенцами: окончательное и формальное утвержденіе массоваго крѣпостного права на Дону совершилось, стало быть, всего за четверть вѣка до его общей отмѣны на Руси, при фактическомъ существованіи широко распространеннаго крѣпостничества на Дону въ теченіи почти ста лѣтъ и неособенно многочисленныхъ проявленіяхъ бѣлаго рабства съ очень давнихъ поръ.

Переходя къ характеру бѣлаго рабства на Дону, должно признать, что чутъ-ли не съ самаго утвержденія на Дону удалыхъ русскихъ выходцевъ ихъ крѣпостническіе элементы, въ родѣ атамана Кишкина, доходятъ до жесточайшаго порабощенія беззащитныхъ христіанъ съ продажей бѣлаго раба врагамъ креста Христова уже въ 1570-хъ годахъ. О предѣлахъ произвола господина надъ рабомъ на Дону въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуетъ угроза Фрола Минаева перерѣзать своихъ рабовъ татаръ, когда астраханцы подкинули однажды пилки тремъ его татарамъ, а тѣ распилили кандалы и бѣжали на родину. Въ ту же пору донскіе работорговцы въ предупрежденіе побѣга и убытковъ заковывали работавшихъ у нихъ выкупленныхъ у мусульманъ „для души“ русскихъ плѣнниковъ до выполенія ими или роднеи ихъ всѣхъ условій выкупа. Послѣ булавинщины осѣдлавшій массу старшій братъ старшина бежалостно гнулъ и обиралъ своего же младшаго брата рядового казака, тираня его насиліями и обидами разнаго рода. Еще

хуже, разумѣется, обращались съ купленными и похолопленными крѣпостными людьми, а послѣ съ приписными подданными.

Крѣпостныхъ, по ихъ показаніямъ и оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, всячески томятъ и нещадно бьютъ; приписныхъ поселенцевъ съ 1766 г. войсковое начальство на страхъ другимъ публично наказываетъ „жестоко плетьми“; тогда же частные владѣльцы, задерживая уходящихъ, но неотпускавшихся подданныхъ, грабежомъ скота и побоями доказываютъ своимъ приписнымъ всю сущность малорусской вольности по манифесту 1763 года. Одновременно растетъ хозяйственная эксплуатація поселенцевъ: въ 1766 г. она выше, чѣмъ въ 1764 г., и достигаетъ по преданію 3—4 дней барщины въ недѣлю уже между 1782—1795 гг. Съ 1799 г. право на владѣніе подданными осталось лишь у дворянъ; теперь временно сократившаяся въ своемъ числѣ донская знать, сплоченная одинаковымъ титуломъ, рѣзко отмежовывается отъ рядового казачества и все выше паритъ надъ отпускавшеюся въ бездну рабства массою подданныхъ-крестьянъ 1795—1811 гг., личное и хозяйственное положеніе которыхъ могло, разумѣется, измѣняться лишь къ худшему; на это указываетъ и отсутствіе естественнаго прироста у донскихъ крестьянъ за 1811—1816 гг., а усмиреніе 1820 г. отнимаетъ у нихъ послѣднія надежды и даетъ полный просторъ крѣпостническимъ вожделѣніямъ ихъ господъ.

Въ самой крупной въ донской исторіографіи работѣ по разбираемому вопросу авторъ этой статьи: „Донскіе крестьяне“ А. А. Карасевъ настойчиво проводитъ мысль, будто кратковременное, „не получившее крѣпкаго права гражданства“, крѣпостное право не успѣло пустить на Дону „глубокіе, отупляющіе нравственную жизнь корни“. Однако, для Міусскаго и Донецкаго округовъ авторъ признаетъ „болѣе или менѣе глубокіе корни“, а между тѣмъ въ этихъ двухъ округахъ жили $^3/_4$ всѣхъ донскихъ

крестьянъ. Далѣе апологетъ донскихъ рабовладѣльцевъ дѣлаетъ такую лестную, по его мнѣнію, для Дона характеристику положенія здѣсь помѣщичьихъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ. „Вообще говоря, звѣрскіе поступки владѣльцевъ съ крестьянами на Дону сравнительно съ другими уголками Россіи были рѣдки и тѣ крѣпостники, которые переходили за границы помѣщичьихъ правъ, были извѣстны на перечетъ и никогда не пользовались въ обществѣ даже малою долею уваженія; то же самое, если не больше, нужно сказать и о количествѣ рабочихъ дней, отбывавшихся крестьянами на помѣщиковъ: по цѣлому Войску и нѣсколько разъ проходила молва, что такой-то и такой-то владѣлецъ имѣли отъ крестьянъ болѣе *трехъ* рабочихъ дней въ недѣлю, или требовали съ нихъ отбывки работъ за праздники, случавшіеся на помѣщичьихъ дняхъ. Сталобыть, бывшіе донскіе рабы не чувствовали ѣдкой горечи крѣпостного права“. На мой взглядъ, здѣсь заключеніе не вытекаетъ изъ изложенія. Какъ могли крѣпостные не чувствовать“ ѣдкой горечи “угнетенія, когда 3 дня барщины не были на Дону рѣдкостью, какъ и тѣлесныя наказанія, если онѣ не переходили въ звѣрство? Авторъ раньше своего заключенія напрасно не попробовалъ поставить на мгновеніе самого себя на мѣсто крестьянина, обязаннаго 3 днями барщины. А донскому крѣпостному, вѣдь, грозила еще и ежедневная опасность порки: совсѣмъ недавно перемерли тѣ старожилы слободы Карповки, напримѣръ, 2-го Донского округа, до послѣднихъ лѣтъ жизни помнившіе жестокость панскаго „ката“ Захарова; въ растлѣвающей общественные нравы атмосферѣ крѣпостныхъ отношеній эти каты-палачи играли значительную и свирѣпую роль даже помимо господъ помѣщиковъ, особенно въ ихъ отсутствіи или при разбросанности имѣній. Впрочемъ и среди самихъ помѣщиковъ находились люди-звѣри, какъ встрѣчались хозяева, отнимавшіе у рабочаго 2/3 его трудового времени безъ дачи жалованья или содержанія. Предъ освобожде-

ніемъ крестьянъ на Дону царилъ тотъ же помѣщичій „страхъ за свой карманъ“, что и въ остальной Руси; напились также и господа, требовавшіе „выкупа свободы“ во избѣжаніе ущерба владѣльцу..... душъ, не говоря о безспорномъ тогда выкупѣ земли. Тягостное положеніе дворовыхъ ясно доказывается повальнымъ бѣгствомъ изъ панскихъ домовъ и дворовъ всей личной и хозяйственной прислуги съ первой вѣстью о разъяснительномъ циркулярѣ 17 іюня 1861 г., по которому всѣ дворовые, не записанные таковыми въ ревизію 1858 г., получали немедленную свободу при обязательной службѣ на 2 года для дворовыхъ записныхъ. Г. Карасевъ лично наблюдалъ, какъ „на другой же день послѣ объявленія циркуляра за № 2, скотина, овцы, лошади, помѣщичьи дворы, все было брошено“; ему же „довелось видѣть членовъ нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщичьихъ семействъ исполняющими лично обязанности кухарокъ, нянекъ, лакеевъ и проч....: по объявленіи циркуляра за № 2, прислуги нельзя было найти ни за какія деньги: часть ея ушла искать мѣста приписки, а другая отуманенная внезапной и полной волею“ шаталась безъ дѣла, восклицая, и кстати и некстати: „циркуляръ, циркуляръ!“ Всѣ эти послѣднія данныя г. Карасева говорятъ не о чемъ иномъ, какъ о самой„ ѣдкой горечи“ донского крѣпостного права, радость избавленія отъ котораго своими размѣрами почти выводила людей изъ душевнаго равновѣсія, какъ само крѣпостное право доводило до нравственной подавленности, отражавшейся и на рабочей энергіи при одновременной ненависти къ „панамъ“ и лукавствѣ въ работахъ на нихъ. По словамъ другого современника И. И. Краснова, писавшаго въ 1867 г.. „до освобожденія отъ крѣпостной зависимости прилежаніе къ труду здѣсь (на Дону) было менѣе развито, чѣмъ въ сосѣдственныхъ областяхъ; еще менѣе господствовало усердіе къ бывшимъ помѣщикамъ“...

Вотъ нѣсколько чертъ, рисующихъ характеръ и вліяніе донского бѣлаго рабства. Немного ихъ приведено мною,

Mar. 2
4 р.

№18

но довольно и тѣхъ для правильнаго представленія объ этомъ явленіи тяжеломъ и позорномъ для вольной казачьей земли. Оно понижало производительность работы цѣлой трети населенія края, а одновременно растлѣвало общественныя отношенія, превращая владѣльцевъ душъ въ людей звѣрей, а подданныхъ крестьянъ въ забитыхъ лѣнивыхъ животныхъ, ненавидѣвшихъ своихъ господъ.

Послѣ этого и отзыва И. И. Краснова въ особенности едва ли нужно распространяться о значеніи для Дона-малорусскаго, крестьянскаго Дона великихъ словъ незабвеннаго манифеста приснопамятнаго русскому народу Государя Императора Александра II: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". 19 февраля 1861 г. не стало на Дону бѣлаго рабства и бодро принялся за свой трудъ свободный толковый народъ; а Донъ снова сталъ вольной рѣкой, какъ за 300 лѣтъ до того, когда впервые заселялся онъ вольными артелями-станицами простонародныхъ русскихъ военнопромышленниковъ до появленія среди нихъ людей съ волчьею пастью и лисьимъ хвостомъ, уничтожившихъ древнее братство, а на мѣстѣ свободы-равенства кругомъ позаведшихъ бѣлое рабство.

П. П. Сахаровъ.

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР